

Г. Е. Аляев

ИЗВИЛИСТЫЕ ЛИНИИ ЖИЗНИ В ТОПОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИИ

(материалы к биографиям Михаила Людвиговича
Франка и Семёна Людвиговича Франка)

Поводом к этому небольшому исследованию стали несколько писем, сохранившихся в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. Это письма Михаила Людвиговича Франка к брату Семёну Людвиговичу, а также к его жене Татьяне Сергеевне и сводному брату Льву Заку, относящиеся к 1923–1937 годам. Эта переписка — в первую очередь, часть семейной истории. Однако семья эта представлена людьми, безусловно, выдающимися, оставившими значимый след в истории российской и мировой науки, философии и культуры. Прежде всего — это, собственно, основные корреспонденты — братья Семён и Михаил Франки. С. Л. Франк (1877–1950), по известной оценке В. В. Зеньковского — «самый выдающийся русский философ»¹, работы которого переиздаются сегодня не только в России, но и в ряде других стран. М. Л. Франк (1878–1942) — профессор высшей математики (в первую очередь — геометр, одним из преимущественных интересов которого была топология), талантливый учёный и педагог. Одним из персонажей переписки является также сводный брат Семёна Людвиговича и Михаила Людвиговича — Лев Васильевич Зак (1892–1980), проделавший путь от одного из заметных представителей поэзии футуризма (под

---

¹ Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Л., 1991. Т. II. Кн. 2. С. 158.

псевдонимом «Хрисанф») до известного художника Парижской школы. В переписке отражаются также ранние годы двух сыновей Михаила Людвиговича, которые стали учёными с мировыми именами — это академик АН СССР, биофизик Глеб Михайлович Франк (1904–1976) и лауреат Нобелевской премии, академик АН СССР, физик Илья Михайлович Франк (1908–1990).

Однако не только, так сказать, «состав участников» может привлечь внимание к этим документам, т. е. они являются не только фактами биографии выдающихся людей. В судьбе членов семьи Франков — прежде всего, Семёна Людвиговича и Михаила Людвиговича, а также и Льва Васильевича, — нашла своё конкретное воплощение общая судьба страны, взорванной и разорванной революциями начала XX века, искорёженной двумя мировыми войнами. Эта переписка — не из «двух углов», не из двух квартир или городов, и даже не просто из двух стран — это переписка из двух отдельных политических и духовных миров, в которых оказалось расколотое русское общество после 1917-го года, и в этих двух мирах — не просто «параллельных», а враждующих — зачастую оказались «осколки» одной и той же семьи. Так произошло и с Франками. Враждебность этих миров предопределила, между прочим, и то обстоятельство, что мы имеем сегодня практически одностороннюю переписку — письма Семёна Людвиговича и Льва Васильевича к брату Михаилу не сохранились, за исключением одной, ещё дореволюционной, открытки.

Но прежде, чем говорить о самих письмах, остановимся сначала на основных фактах биографии наших героев², обратив внимание, прежде всего, на параллели или пересечения линий жизни двух братьев, на взаимоотношения Михаила Людвиговича и Семёна Людвиговича Франков.

Семён и Михаил родились в Москве, в еврейской семье. Однако родители не были коренными москвичами. Отец, Людвиг Се-

---

² О биографии Михаила Людвиговича Франка см.: *Франк И. М.* Михаил Людвигович Франк // Историко-математические исследования. Вып. XXVI. М., 1982. С. 266–293. Илья Михайлович опирался, в частности, на рукописную автобиографию М. Л. Франка. См. также: Илья Михайлович Франк. Очерки и воспоминания / [сост. А. С. Гиршева, А. И. Франк; под общ. ред. В. Л. Аксенова]. М., 2008. — 446 с.; *Франк А. И.* Илья Михайлович Франк // Физика элементарных частиц и атомного ядра. 2008. Т. 39, вып. 4. С. 879–949; *Франк А. И.* История одной семьи // Природа. 2008. № 9. С. 17–30. Данные о родителях и родственниках, а также некоторые факты своей биографии Семён Людвигович Франк изложил в своих коротких воспоминаниях «Предсмертное», написанных в 1935 г.

мёнович (1844–1882), происходил из Виленского края, но в период польского восстания 1863 г. был отправлен родителями в Москву, куда позднее, после смерти его отца, перебрались его мать Фелиция и две сестры. Мать — Розалия Моисеевна (1856–1909) — родилась в Ковно, и около середины 1860-х её семья также перебралась в Москву (девочкой она тоже застала польское восстание и потом рассказывала своим детям, как присутствовала однажды при публичном расстреле повстанцев). Фамилия её отца — Россиянский — указывает на происхождение из местечка Россиен, по-литовски — Расейняй; мать Сара (в девичестве — Добринер) происходила из пограничного немецкого Тильзита³.

Людвиг Семёнович был врачом, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и за доблесть был награждён орденом Станислава 3-й степени, имел чин коллежского асессора и получил личное дворянство (что давало его детям статус потомственных почётных граждан); в последние годы жизни служил доктором в Мариинском приюте общества для попечения о детях лиц, сосланных по судебным приговорам в Сибирь. Семья жила в Замоскворечье на Пятницкой улице, где и родились Семён и Михаил, а также старшая сестра Софья (1875–1937). После ранней смерти мужа Розалия Моисеевна с детьми проживала со своими родителями⁴. По воспоминаниям С. Л. Франка, именно дед — Моисей Миро-

---

³ Интересно, что в тяжёлый период Гражданской войны Семён Людвигович подумывал использовать свои литовские корни — в августе 1921 г., выбираясь из Саратова, он писал Нине Александровне Струве: «Сначала я долго мечтал выехать в Литву (опираясь на мое происхождение оттуда), но теперь отказался от этого плана и решил переселиться в Москву» (*Колеров М. А.* Изнутри. М., 2018. С. 141). Планы переселения в Прибалтику были и в период эмиграции, уже в конце 20-х годов, но дело ограничилось большой лекционной поездкой в марте 1928 г., когда С. Л. Франк побывал, в том числе, и в Ковно.

⁴ По воспоминаниям С. Л. Франка, жили в разных местах «в районе Покровки и Мясницкой (помню жизнь в доме в Лялином переулке, где зимой случился пожар и нас, детей, поздно вечером вывели из дома среди удушающего дыма), а потом, кажется с 1888–89 года, в особняке, который купил мой дедушка в Кривом (позднее Мельниковом) переулке» (*Франк С. Л.* Предсмертное. Воспоминания и мысли // *Вестник РХД.* 1986. № 146. С. 108–109). Точно известен адрес 1887 года — «Маросейка, д. Шелагина» (см.: ЦГА Москвы. Фонд 213. Оп. 2. Ед. хр. 3044. Л. 1; ныне — ул. Маросейка, 15); дом по Кривому переулку, записанный, кстати, на Розалию Моисеевну (см.: *Вся Москва.* Адресная и справочная книга на 1891. М., 1890. С. 212), не сохранился — участок, на котором, он находился, соответствует нынешнему адресу ул. Жуковского 12 или 14.

нович Россиянский — «заложил во мне основы моего духовного и умственного развития»⁵. Дед был

«по профессии чайный маклер — посредник между китайскими фирмами и московскими чаеоторговцами, — не получив никакого общего образования, он был живым, умным и интеллигентным человеком, сочетавшим преданность традициям еврейской веры (без фанатизма) с широким общим умственным горизонтом»⁶.

Хотя Семён Людвигович писал в своих коротких воспоминаниях о себе, но очевидно, что воспитание деда распространялось и на Михаила:

«Он заставил меня научиться древнееврейскому языку (который я теперь забыл) и читать на нем Библию. Он водил меня в синагогу⁷ (по большим еврейским праздникам — субботние дни, как и все сложные мелочи обрядового устава, он не соблюдал), где я получил первые, запавшие на всю жизнь религиозные впечатления (рядом с этим шли, через няnek и окружающую русскую среду, и религиозные впечатления русского православия). (...) Рассказы дедушки по истории еврейского народа и по истории Европы стали первой основой моего умственного кругозора»⁸.

Впрочем, по воспоминаниям Розалии Моисеевны, которые сохранил Лев Зак, дети различались темпераментами:

«Соня и Миша, как все дети, иногда капризничали, иногда не слушались, иногда шумели. Сеня, который, по словам мамы, был “буту-

---

⁵ Франк С. А. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 108.

⁶ Там же. С. 109.

⁷ Московская хоральная синагога в Большом Спасоглинищевском переулке была открыта весной 1891 года — возможно, Семён и Михаил Франки успели там побывать (дед умер в конце этого же года), до этого еврейская община арендовала для молитвы и религиозно-просветительских учреждений доходный дом Рьженкова на Солянке, а также действовала молезна в Зарядье. Ещё в 1869 г. М. М. Россиянский подписывал два прошения московских евреев с просьбой о строительстве синагоги (см.: Аляев Г. Е., Резвых Т. Н. Предисловие к первому тому. С. А. Франк: жизнь и творчество, 1877–1902 // Франк С. А. Полное собрание сочинений. Т. 1: 1896–1902 / Под общ. ред. Г. Е. Аляева, К. М. Антонова, Т. Н. Резвых. М., 2018. С. 23, прим.).

⁸ Франк С. А. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 109.

зом”, т. е. довольно полным, выучился очень рано читать и сплошь и рядом сидел на маленькой скамеечке (в то время у старых людей существовали скамеечки для ног, я хорошо помню такую скамеечку у моей бабушки в углу комнаты) и по целым часам читал»⁹.

Первым учебным заведением обоих братьев стала гимназия при Лазаревском институте восточных языков — Семён был принят сразу во второй класс в 1887 году, а Михаил — тоже во второй класс, но в 1890 году¹⁰. Учились они достаточно хорошо — между прочим, в личном деле Михаила зафиксировано награждение похвальным листом в ноябре 1891 года¹¹. Однако весной 1891 г. Розалия Моисеевна вышла второй раз замуж — за бывшего народника, аптекаря Василия Ивановича Зака, — и семья переехала в Нижний Новгород. Правда, Семён и, очевидно, Михаил ещё оставались в Москве на попечении деда, но после его смерти в декабре 1891 г. Михаила, проучившегося в гимназии при Лазаревском институте меньше двух лет, также забрали в Нижний Новгород. Семён закончил шестой класс и поступил в седьмой — были предприняты попытки выхлопотать ему вид на жительство в Москве, однако они оказались безуспешны (возможно, из-за принимавшихся властями в 1891–1892 гг. мер по высылке части евреев из Москвы), и в ноябре 1892 г. он перевёлся в седьмой класс Нижегородской гимназии.

Существенное влияние на этот период на формирование мировоззрения обоих братьев оказал отчим Василий Иванович Зак (настоящее имя — Цалель Ицкович), который в молодости был связан с народовольцами, за что в 1878–1884 годах отбывал ссылку в Восточной Сибири. По воспоминаниям Семёна Людвиговича, благодаря отчиму в круг его чтения попали работы Михайловского, Добролюбова, Писарева, Лаврова; семья Заков-Франков дружила также с семьёй бывшего революционера-народника, известного писателя и врача Сергея Яковлевича Елпатьевского. «Дом Елпатьевских был средоточием либеральной и радикальной интеллигенции Нижнего Новгорода»¹², — вспоминал С. А. Франк.

⁹ Воспоминания Льва Васильевича Зака о Семене Людвиговиче Франке, его брате / Публ. Натальи Франк-Норман // Евреи в культуре русского зарубежья. Статьи, публикации, мемуары, эссе. Т. V. Сост. и изд. М. Н. Пархомовский. Иерусалим, 1996. С. 432.

¹⁰ См.: ЦГА г. Москвы. Ф. 213. Оп. 2. Ед. хр. 3043, 3044.

¹¹ См.: Там же. Ед. хр. 3043.

¹² Франк С. А. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 118.

Дочка С. Я. Елпатъевского Людмила (в замужестве — Врангель) позднее писала:

«Весной, когда Волга и Ока заливали ярмарку, и временно прекращалось сообщение с городом, Сеня Франк, живший около ярмарки, и его милая сестра, красавица Соня, жили у нас, когда еще учились в гимназии. Оба были любимцы нашей семьи, и родители наши были очень дружны между собой»¹³.

В этих воспоминаниях не упомянут Михаил, однако сохранилось письмо Людмилы Врангель к Семёну Людвиговичу Франку, написанное в 1949 году (она жила в Ла-Фавьере, на южном берегу Франции, где перед войной некоторое время жил и С. Л. Франк):

«Дорогой, старый, старый друг, милый Сеня! Сеня, Соня и Миша... Где-то Миша, милое, чудесное существо? Существо, — потому что он не от мира сего. Бедненькая Соня, так рано погибшая, моя любимая подруга! Да... Вот и жизнь прожита; не думали мы об этом в Нижнем Новгороде. Катались на лодках в разлив под крышей цирка на Нижнем базаре; где-то под откосами собирали ландыши, жгли костры и слушали беспечно соловьев. И вот все это живет в наших душах и составляет не малую долю ее»¹⁴.

Лев Зак также вспоминал, что его старшие братья любили рыбную ловлю; отразилась в воспоминаниях сводного брата и ранняя тяга Михаила к технике и рукоделию:

«Сеню я вижу то на даче в “Черном” около Нижнего, еще гимназистом, с высоко засученными брюками, входящим, таща сеть, в воду, вместе с Мишей и деревенскими парнями (Миша и Сеня любили тогда рыбную ловлю), то в нашей гостиной в Канавине (предместье Нижнего, где мы жили) за роялью. (...) Соня няньчилась со мной, как мать, Миша устраивал мне всякие постройки, электрические машины, клеил игрушки для елки»¹⁵.

¹³ Врангель Л. Воспоминания и стародавние времена. Вашингтон, 1964. С. 27

¹⁴ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York (далее — BA). S. L. Frank Papers. Box 9. Unidentified U-Z.

¹⁵ Воспоминания Льва Васильевича Зака о Семене Людвиговиче Франке, его брата. С. 433, 434.

Семён Франк в первую же нижегородскую зиму стал участником гимназического марксистского кружка, куда входили, в частности, будущий большевик М. А. Сильвин и будущий меньшевик А. М. Никитин. Полицейские документы свидетельствуют, что Франк был знаком с учеником реального училища А. А. Кузнецовым; по воспоминанию М. Г. Григорьева, именно «в его квартире совместно с ним и его другими товарищами (Вигдорчиком, Франком, Котовым, Зеленецким и др.) нам приходилось штудировать произведения К. Маркса»¹⁶. Так, в 16–17-летнем возрасте, Франк прочитал 1-й и 2-й том «Капитала». Уже после его отъезда на учебу в Московский университет, Департамент полиции приступил к дознанию о нижегородском рабочем кружке, членами которого оказались «знакомые названного Франка» А. А. Кузнецов, А. С. Розанов, М. Н. Котов (уличенный в «изготовлении гектографированных воззваний к рабочим, разбросанных 19 Октября 1894 г. в Нижнем Новгороде») и Б. Д. Фридман. В 1894 г., окончив гимназию, Семён поступил на юридический факультет Московского университета, где продолжал принимать участие в революционных кружках, связанных с Московским рабочим союзом¹⁷.

Об участии Михаила в гимназических кружках сведений нет, однако он дружил с Павлом Грациановым, о котором известно, что он уже в 6-м классе гимназии (т. е., в 1894–1895 гг.) участвовал в кружке революционной молодёжи — позднее Павел Михайлович стал профессиональным революционером. Не удивительно, что, также поступив в Московский университет — Павел в 1897, а Михаил в 1898 на физико-математический факультет, — друзья сразу оказались в революционной среде.

Семён Людвигович получил весной 1898 г. выпускное свидетельство «о зачете 8 семестров», однако решил перенести сдачу государственного экзамена на следующий год. Он продолжал жить в Москве, участвовал в работе марксистского издательства М. И. Водовозовой (где немного позже вышла его первая книга), и осенью 1898 г. познакомился с П. Б. Струве, дружба с которым прошла через всю его жизнь. Как раз в это время в Москве появи-

---

¹⁶ Григорьев М. Г. Марксисты в Нижнем в 1889–1894 гг. // Пролетарская революция. Исторический журнал Истпарта. 1927. № 4 (27). С. 112.

¹⁷ См.: Аляев Г. Е., Резвых Т. Н. Предисловие к первому тому. С. Л. Франк: жизнь и творчество, 1877–1902. С. 29.

лся и Михаил. Он поселился вместе с братом¹⁸ и его другом Германом Ливеном; через некоторое время Семён, очевидно, переселился в другую квартиру, а Михаил продолжал жить с Ливеном в квартире 44 дома Гирша по Малой Бронной, 25. Именно здесь 15 февраля 1899 года был произведён обыск и арест.

Охранное отделение давно следило за Семёном Франком и Германом Ливеном. В документах охраны они фигурировали как члены «кружка нижегородцев», занимавшегося пропагандой и распространением нелегальной литературы. В качестве члена этого кружка «рьяных марксистов» попал в дело и Михаил Франк. Так, согласно полицейской справке, Михаил

«все время находился в самых оживленных сношениях со студентом Московского Университета Андреем Ивановым Ярошевичем, то и дело посещавшим его на дому и оставлявшим у него различные свертки. Всем посещавшим его лицам, из числа имевших к нему какие либо вещественные конспиративные дела, Франк заявлял, чтобы они не стеснялись, в случае его отсутствия, оставлять приносимое его сожителю, т. е. Ливену. Ярошевич занимался распродажей пришедшего из Лодзи летом минувшего года транспорта нелегальной литературы (...). Кроме того Ярошевич вел самостоятельную издательскую деятельность на гектографе. (...) Независимо сего, пользуясь связями с Югом и Северо-западом, группа Франка и Ярошевича выписала самостоятельно нелегальный транспорт и ожидала его прибытия»¹⁹.

Под «Югом» имелась в виду социал-демократическая типография в Киеве, а под «Северо-западом» — Санкт-Петербург. Именно начало студенческих волнений в Петербурге в феврале 1899 г. подтолкнуло охранку к проведению превентивных арестов в Москве. Согласно упомянутой полицейской справке,

---

¹⁸ К этому времени относится ещё одна зарисовка из воспоминаний Льва Зака: «Я был как то с мамой в московской комнате Сени и Миши. Маленького избалованного буржуазного мальчика потрясли хаотический беспорядок этой комнаты, книги, которые валялись повсюду, пыль, покрывавшая их, и я навсегда запомнил калач, который почему-то лежал на верху шкафа! Представляю себе, как мама должна была быть испуганной такой богемой. Воспоминание о таком беспорядке совершенно не вяжется с позднейшими образами Сени и Миши. Миша к тому же всегда отличался чрезвычайной аккуратностью» (Воспоминания Льва Васильевича Зака о Семене Людвиговиче Франке, его брате. С. 435).

¹⁹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 8. (1896 год) Ед. хр. 1510. Л. 73–74.

«для предупреждения волнений, группа эта (т. е. “группа нижегородцев”. — Г. А.) была ликвидирована 15-го Февраля в полном составе и обыски дали такие результаты, вследствие коих представилось желательным обследование деятельности этой группы в полном её объеме, а не только в той части, которая касалась студенческих дел»²⁰.

Впрочем, Семён Франк был арестован не сразу, а только в конце марта, после студенческой ссоры, организацию которой ему инкриминировали. Между тем, последовавшее в начале апреля самоубийство в тюрьме Германа Ливена принудило полицию поскорее разобраться с делами арестованных студентов²¹. Семён Франк был выпущен уже через неделю, а арестованный ранее Михаил в результате просидел в тюрьме два месяца. Получили они и разное наказание — Семёну было воспрещено на два года проживание в университетских городах, а Михаил был исключён из университета без права восстановления. Проведя летние месяцы у родителей в Нижнем Новгороде, братья отправились в Германию: Михаил — в Мюнхен, где поступил в Баварскую Техническую школу, а Семён — в Берлин.

Надо сказать, что революционная деятельность обоих братьев на этом ещё не закончилась. В последующие годы Семён Франк принял участие в организованном за границей Петром Струве журнале «Освобождение» и Союзе освобождения, а Михаил оказался в этом деле посредником. В воспоминаниях о П. Б. Струве С. Л. Франк писал:

«Летом 1902 года мой брат М. Л. Франк, живший в Мюнхене, написал мне в иносказательной форме, что П. Б. приглашает меня приехать за границу, чтобы сотрудничать в журнале»²².

²⁰ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 8. (1896 год) Ед. хр. 1510. Л. 74–74 об.

²¹ Это событие дало толчок и к переосмыслению собственных действий друзьями погибшего. Через четверть века, в брошюре «Крушение кумиров», С. Л. Франк описал (не называя фамилии) потрясшее всех самоубийство в тюрьме одного из участников «невинно-“революционного” студенческого кружка в Москве». Причиной этого поступка, по его словам, стал господствовавший в определённых кругах русской молодёжи «универсальный, всепоглощающий культ революционного служения» и своеобразное «моральное принуждение к революционному образу мыслей и революционному героизму» (см.: Франк С. Л. Крушение кумиров // Сочинения. М., 1990. С. 152–153).

²² Франк С. Л. Воспоминания о П. Б. Струве // Франк С. Л. Непрочитанное ... Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 413.

Косвенно эта информация подтверждается сохранившейся перепиской между Михаилом Франком и Петром Струве. В письме от 20 (7) июля 1902 г. Михаил Людвигович подробно описал Струве — «по Вашей просьбе» — своё впечатление о первом номере «Освобождения»; сохранился и ответ Струве²³. Характер переписки свидетельствует о том, что они уже были знакомы ранее — возможно, знакомство состоялось ещё в Москве, или в начале 1901 г., когда С. Л. Франк встречался со Струве в Мюнхене, уезжая из Германии в Россию. Этим же летом 1902-го года Михаил, очевидно, приезжал на каникулы к родителям — семья как раз переехала из Нижнего Новгорода на юг из-за болезни младшего сына. Лев Зак, которому тогда было 10 лет, позднее писал:

«Мне вспоминается лето в Бердянске, когда и Сеня, и Миша жили у нас. Помню, что в лето Сеня и Миша фабриковали симпатические чернила и писали ими (письма? корреспонденции? статьи? не знаю) и посылали белые бумажки, на которых ничего не было видно (думаю, что поверх текста, написанного симпатическими чернилами, они все же писали что-нибудь весьма невинное простыми) Струве в “Освобождение”»²⁴.

Об интенсивных контактах с лидером Союза освобождения уже в 1903–1905 годах говорит ещё одно письмо Михаила к Петру Струве от 2 июля 1903 г., а также несколько его писем к жене Струве Нине Александровне²⁵. В это же время — в начале июля 1903 г. — к брату в предместье Мюнхена Пазинг (полный адрес — Pasing bei München, Waldkolonie villa Ende) приехал вновь выбравшийся за границу Семён Франк²⁶. Какое-то время Семён жил у брата, а затем, до весны или лета 1904 года жил в Мюнхене, часто наезжая в Штутгарт к Струве и, очевидно, неоднократно общаясь с братом и его женой. В 1902 г. Михаил женился на Елизавете Михайловне Грациановой (1877–1959) — сестре своего гимназического друга Павла Грацианова. Они венчались в православной церкви Дрездена²⁷.

²³ См.: РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 104–109.

²⁴ Воспоминания Льва Васильевича Зака о Семене Людвиговиче Франке, его брате. С. 438.

²⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 110–113.

²⁶ См.: Колеров М. А. Изнутри. С. 72.

²⁷ См.: Илья Михайлович Франк. К 110-летию со дня рождения / Авт.-сост.: В. М. Березанская, М. А. Лукичёв, Н. М. Шаульская. М., 2018. С. 17.

Михаил Франк закончил Мюнхенский политехникум в 1904 году, получил диплом инженера-машиностроителя и уехал в Санкт-Петербург. Семён Франк с осени 1904 до весны 1905 года также был в Петербурге, выполняя, между прочим, некоторые поручения Струве по Союзу освобождения. Можно предположить, что контакты между братьями были достаточно тесными и в эту зиму. Во всяком случае, собираясь в Петербург уже через год, в конце октября 1905 года, Семён Франк сообщал Струве в Париж для переписки «адрес моего брата» — «Петербургская сторона, Тереява ул. д. 5, кв. 23»²⁸. Впрочем, переехав в Петербург, Семён Людвигович жил самостоятельно или вместе со Струве (в 1906–1908 гг.), с которым продолжалась интенсивная работа в новых издательских проектах.

В Санкт-Петербурге собрались почти все молодые Франки — сестра Софья тоже жила здесь со своим мужем, банкиром Абрамом Животовским, и только младший Лёва оставался с родителями, которые вновь вернулись в Москву²⁹ (между прочим, он тоже учился в гимназии при Лазаревском институте восточных языков, где начинали учиться его сводные братья). В семье Михаила Людвиговича родилось два сына: в 1904 г. — Глеб, в 1908 г. — Илья. Первое десятилетие семейной жизни в материальном отношении было трудным. М. А. Франк в своей автобиографии писал, что с 1904 по 1906 г. он жил на случайные заработки. С 1906 г. начал преподавательскую деятельность в средних технических учебных заведениях, на «Курсах пожарных техников» и на «Политехнических курсах Общества народных университетов». Преподавал математику и физику. В высшей школе работать не мог, потому что у него не было университетского диплома, полученного в России. В 1907 г. поступил на математический факультет Петербургского университета, но вскоре был из него исключен, так как не мог представить справку о политической благонадежности³⁰.

Интересно, что Семён Людвигович также начал свою преподавательскую деятельность в 1906 г. — сначала на Общеобразовательных курсах при женской гимназии М. Н. Стоюниной. Ранее, ещё в 1902 г., его приглашали на работу во вновь создаваемую

---

²⁸ Колеров М. А. Изнутри. С. 98.

²⁹ Провизор В. И. Зак имел аптеку и торговлю парфюмерными товарами, проживая в доме Шершакова на Мясницкой улице — т. е., по адресу Мясницкая ул., 32 (Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1906 год. М., 1906. С. 126).

³⁰ См.: Франк И. М. Михаил Людвигович Франк. С. 269.

мый Петербургский Политехнический институт, однако, как он вспоминал позднее, «дело расстроилось из-за моего вероисповедания»³¹. Но и теперь возможность преподавания в государственных учебных заведениях была ограничена, зато за несколько лет С. А. Франк «охватил» своей преподавательской деятельностью сразу несколько частных: Бестужевские Высшие Женские Курсы, Педагогические курсы Фребелевского общества, Психоневрологической Институт и другие. Только в 1912 г. (в этом же году С. А. Франк принял православие) он был зачислен приват-доцентом кафедры философии Санкт-Петербургского Императорского Университета.

Между тем, в 1908 г. Семён Людвигович также женился — на своей куристке, которая была младше его на 9 лет, Татьяне Сергеевне Барцевой (1886–1984). И так же, как и брат, он выбрал в невесты православную девушку. Хотя ни Михаил, ни Семён к моменту женитьбы не были правоверными иудеями, однако формальная «приписка» к вероисповеданию играла в тогдашней России большую роль. Михаил решил эту проблему путём крещения. Семён — в силу, возможно, более глубокой философской рефлексии и философского осмысления проблем религии и веры, которое как раз в этот период принимало в его работах метафизическое направление, — ещё не был готов к принятию православия (это произошло, как уже сказано, четыре года спустя). Сыграло роль, очевидно, и нежелание огорчать мать, учитывая как раз опыт Михаила в этом отношении. Об этом свидетельствует Лев Зак, вспоминая о первом разговоре Семёна с матерью о женитьбе:

«Нужно сказать, что Сене было нелегко сделать матери это признание, потому что он знал, как огорчила родителей женитьба брата Миши тоже на православной и его переход в христианство. Наши родители не были верующими евреями, но нужно быть знакомым с положением евреев в России того времени и с ролью православной церкви, которую она играла в правительственном антисемитизме, равно как и с древними корнями еврейской психологии, чтобы понять тот удар, который наносил еврейским родителям сын, женившийся не на еврейке. Сеня нашел способ смягчить удар, сказавши, что его невеста Таня Барцева согласна перейти

---

³¹ Франк С. А. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 113.

ти в протестантскую веру и что, таким образом, для того, чтобы жениться на ней, ему не нужно будет принимать христианство»³².

Действительно, Татьяна Сергеевна формально приняла лютеранство, и они венчались в Евангелически-лютеранской кирхе святой Марии в Саратове 22 июня 1908 года. В результате Розалия Моисеевна достаточно тепло приняла новую невестку. К сожалению, это знакомство было недолгим — Розалия Моисеевна Франк умерла вначале 1909 г. в Москве³³.

А перед этим было знакомство Татьяны с Михаилом — осенью 1908 года (по словам Татьяны Сергеевны, после свадебного путешествия она уезжала на несколько недель к родителям в Саратов, и только в середине октября приехала в Петербург). Упоминание об этом знакомстве превратилось в её воспоминаниях в выражение всех её чувств, которые она испытывала к брату своего мужа:

«В Петербурге познакомилась с братом Семёнушки, милым, милым Мишей, который сейчас же написал своей матери в Москву, “какая у Сени девочка жена”, мы с ним подружились и особенно сошлись, когда он приезжал после революции к нам два или три раза за границу, всегда больной. Недавно узнала через Виктора, а он непосредственно от его сына Ильи, что он умер, будучи эвакуирован из Петербурга в Казань, собственно от истощения; диа-

---

³² Воспоминания Льва Васильевича Зака о Семене Людвиговиче Франке, его брата. С. 441.

³³ В декабре ее положили в частную клинику; из Петербурга приехали Софья и Михаил, а Семён Людвигович, как вспоминала Татьяна Сергеевна, «совершенно не отдавал себе отчета в серьезности положения матери и медлил с отъездом, пока его не вызвали спешно в Москву» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк // Франк С. Л. Саратовский текст / сост. А. А. Гапоненков, Е. П. Никитина. Саратов, 2006. С. 208). Была сделана операция, однако это не помогло, и 8 января 1909 г. она скончалась (точная дата смерти установлена по записи С. Л. Франка в его ежедневнике за 1945 год под 21-м января: «День смерти мамы в 1909 году — 36 лет тому назад»). Ей не исполнилось и 53 лет. Она была похоронена, как и её родители, на Дорогомиловском еврейском кладбище в Москве. Семён Людвигович в эмиграции мечтал: «Мне хотелось бы, чтобы мои дети, если им суждено вернуться в Россию, навести эти могилы» (Франк С. Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 108). Однако кладбище было уничтожено в 1948 г. По воспоминаниям Александра Ильича Франка, примерно в это время родители водили его — шестилетнего мальчика — в старый парк на берегу Москва-реки. «Мне кажется, что в связи с этим местом отец говорил что-то о могиле своей бабушки. (...) Вскоре на этом месте выросли дома» (Франк А. И. Илья Михайлович Франк. С. 881).

гноз был поставлен — туберкулез. С этого момента я приняла его в сердце, как совсем своего и молюсь о нем всегда. Там ему хорошо, он принадлежал в жизни к типу тех неверующих людей, которые, не помянуя все и имени Господа, собственно (хотя и не активно) жили заповедями Его. Он, несомненно, включен Господом в “блаженни чистые сердцем, ибо они Бога узрят”. Семёнушка и Миша были совсем разные по своей природе, Семёнушка с малых лет или, вернее, был рожден как бы с Богом в душе, это чувство его никогда не оставало (...), а Миша был чужд всякой метафизики и философии»³⁴.

Здесь нужно пояснить, что эти воспоминания были написаны Татьяной Сергеевной в конце 1950-х годов; известие о смерти Михаила Семён Людвигович получил ещё в начале 1946 года (о чём далее), здесь же речь идёт о подробностях его смерти, которые, очевидно, рассказал Виктору Семёновичу Илья Михайлович Франк во время их встречи в августе 1958 года (о чём тоже далее), и которые так впечатлили Татьяну Сергеевну — ведь они с мужем в годы войны также находились на грани истощения.

Своеобразным «местом встречи» двух братьев в петербургские годы стал журнал «Русская мысль». С конца 1906 г. этот популярный «толстый» журнал редактировал П. Б. Струве (сначала с А. А. Кизеветтером, позже самостоятельно), и он сразу привлёк в состав ближайших сотрудников, а потом и в редколлегия С. Л. Франка. В результате за десять лет Семён Людвигович опубликовал в журнале десятки статей и рецензий, а также, по поручению редактора, читал рукописи философского и научного содержания, а потом и беллетристику. Но среди авторов журнала был и Михаил Людвигович — хотя, конечно, его участие в этом «непрофильном» для него издании было гораздо скромнее, к тому же оно продолжалось всего чуть больше года. Всего было опубликовано 4 небольших статьи и 7 рецензий³⁵. Эти публикации интерес-

---

³⁴ Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 207.

³⁵ Приведём их список в порядке публикации:

Франк М. А. Итоги современного воздухоплавания // Русская мысль. 1910. Кн. XI. Отд. 2. С. 88–103.

Франк М. А. Германия в деле воздухоплавания // Русская мысль. 1910. Кн. XII. Отд. 2. С. 200–203.

Франк М. Современные авиаторы // Русская мысль. 1911. Кн. I. Отд. 2. С. 228–230.

ны тем, что они отражают ещё незавершённые поиски Михаилом Людвиговичем своего основного научного направления — в частности, здесь представлено его увлечение историей воздухоплавания, которое тогда же реализовалось в двухтомной монографии. Кстати, в «Русской мысли» появилась и рецензия на первый том этой монографии, написанная В. И. Вернадским³⁶. Однако в дальнейшем это увлечение не получило развития. Как заметил И. М. Франк, «механика, несмотря на мюнхенский диплом, не оказалась его призванием. Его интересовала математика»³⁷.

Франк М. [Рец. на:] Гурса Э. Курс математического анализа. Т. I. Пер. с франц. Под ред. Б. К. Млодзевского. М., 1911. 630 с. // Русская мысль. 1911. Кн. I. Критическое обозрение. С. 19.

Франк М. [Рец. на:] Кузнецов П. А. Обучение летанию на аэроплане. Одесса, 1911. // Русская мысль. 1911. Кн. I. Критическое обозрение. С. 20.

Франк М. Воздухоплавательные состязания // Русская мысль. 1911. Кн. II. Отд. 2. С. 257–259.

Франк М. [Рец. на:] Энгельмейер П. К. Творческая личность и среда в области технических изобретений. СПб.: Кн-во «Образование», 1911. 116 с. // Русская мысль. 1911. Кн. III. Критическое обозрение. С. 106–107.

Франк М. [Рец. на:] Энгельмейер П. К. Руководство к привилегированию изобретений. СПб.: Кн-во «Образование», 1911. 111 с. // Русская мысль. 1911. Кн. III. Критическое обозрение. С. 109.

Франк М. [Рец. на:] Адлер А. Теория геометрических построений. Под ред. С. О. Шатуновского. Одесса: Изд. «Mathesis», 1910. // Русская мысль. 1911. Кн. XII. Критическое обозрение. С. 463–464.

Франк М. [Рец. на:] Платонов Н. Практические занятия по начальной астрономии (космографии). М., 1911. 235 с. // Русская мысль. 1911. Кн. XII. Критическое обозрение. С. 464–465.

Франк М. [Рец. на:] Кемпбелл В. Наглядная геометрия. Пер. с англ. Изд. 2-е. Под ред. И. Горбунова-Посадова. М., 1910. // Русская мысль. 1911. Кн. XII. Критическое обозрение. С. 466.

³⁶ Вернадский В. И. [Рец. на:] Франк М. История воздухоплавания. Ч. I. СПб.: Воздухоплавание, 1910. VII, 216 с. // Русская мысль. 1912. Кн. VII. Критическое обозрение. С. 268–269.

³⁷ Франк И. М. Михаил Людвигович Франк. С. 271. Сохранилось письмо М. А. Франка к П. Б. Струве как редактору «Русской мысли» от 9 октября — год не указан, но по контексту можно датировать 1911-м. Сообщая о пересылке очередной порции рецензий (очевидно, это были рецензии на книги А. Адлера, Н. Платонова и В. Кемпбелла, вышедшие в декабрьской книжке журнала — см. примеч. 35) и выражая готовность охотно прорецензировать книги по математике и технике, он в то же время извинялся, что не использовал два немецких издания, присланных ему из редакции, и пояснял причину — «так как пришел к убеждению, что для читателей “Р. М.” не может быть интересен фактический материал из области воздухоплавания, тем более, что сейчас вообще упал интерес к воздухоплаванию» (Архив РАН. Ф. 518. Архив академика В. И. Вернадского. Оп. 3. Ед. хр. 2104).

Значимыми событиями в научной биографии М. Л. Франка стали доклад на I-м Всероссийском съезде преподавателей математики (декабрь 1911 — январь 1912 г.), а также статья 1912 г. с поправками к теории относительности А. Эйнштейна. На съезде М. Л. Франка энергично поддержал известный голландский физик Пауль Эренфест, работавший тогда в России; предполагается, что мнение Эйнштейна о статье Франка также стало известно через Эренфеста³⁸. М. Л. Франк был дружен с П. С. Эренфестом, высоко ценившим его как человека, и его женой Татьяной Алексеевной Афанасьевой-Эренфест, которая, после отъезда в Голландию в 1912 г., с 1926 по 1933 год приезжала работать в СССР, в том числе в 1927–1928 гг. работала в Педагогическом институте в Симферополе (куда попала, кстати, по приглашению М. Л. Франка, о чём далее). Эти научные и личные связи Михаила Людвиговича получили самостоятельное развитие в судьбе Семёна Людвиговича. Очевидно, именно благодаря брату он познакомился с Паулем Эренфестом, а через него позднее — с А. Эйнштейном. Эренфест в одном из своих писем к А. Эйнштейну от 13 февраля 1928 г. по поводу желания Франка устроиться библиотекарем при Лиге Наций в Женеве писал следующее: «Я познакомился с Франком около 20 лет назад (через его брата — математика)»³⁹. В одно лето, скорее всего в 1911 г., семьи С. Л. Франка и П. Эренфеста отдыхали рядом в поселке Каннука под Силламяге — об этом Эренфест вспоминал в письме к С. Л. Франку 11 октября 1927 г.⁴⁰, а гораздо позже, уже в 1958 г., Т. А. Афанасьева-Эренфест писала Виктору Семёновичу Франку: «я знала тебя еще с тех пор, когда мы рядом жили на даче в Кануке»⁴¹.

А. Эйнштейн входил в комиссию Лиги Наций по помощи русским учёным в Германии, и уже 28 августа 1924 г. сообщал Т. Афанасьевой-Эренфест о финансовой поддержке Русского научно-го института в Берлине⁴². В результате у С. Л. Франка с А. Эйнштейном завязалась переписка (1924–1930 гг.), которая, правда,

---

³⁸ См.: Там же. С. 276–280.

³⁹ Цит. по: Цыганков А. С., Оболевич Т. Голландский эпизод в философской биографии С. Л. Франка (новые материалы). М., 2020. С. 15, прим.

⁴⁰ См.: Там же. С. 301.

⁴¹ Франк Вик. С. — Франк Т. С. 26 февраля 1958 // ВА. S. L. Frank Papers. Box 7. Frank, Viktor Semenovich.

⁴² См.: Цыганков А. С., Оболевич Т. Голландский эпизод в философской биографии С. Л. Франка (новые материалы) С. 16.

касалась не столько научных или философских вопросов, сколько обсуждения и оценки советского политического режима⁴³. Уже во время Второй мировой войны С. Л. Франк задумал работу по «Философии творчества», в которой собирался проанализировать новейшие открытия естествознания, в том числе — дать «философскую критику теории относительности» Эйнштейна как «попытки без остатка свести физику к геометрии»⁴⁴. К сожалению, реализовать свой замысел он не успел, но можно, тем не менее, сказать, что теорией относительности предметно интересовались оба брата — и математик, и философ... Что же до Пауля Эренфеста, то Павел Сигизмундович — как его называли в России — давал приют С. Л. Франку во время его первой лекционной поездки в Голландию в феврале 1930 г. и выручал философа и его семью денежным займом в 1931 г. Трагическая гибель П. Эренфеста в 1933 г. не разорвала эту семейную дружбу. Забегая вперёд, отметим, что связь с Эренфестами в эмиграции предполагала обмен информацией об оставшихся в Советской России — так, 3 августа 1935 г. Франк в письме к сестре выражал беспокойство, что он не имеет никаких вестей от брата, так же, как и «его приятельница г-жа Эренфест в Голландии»⁴⁵. Татьяна Сергеевна и Татьяна Алексеевна обменивались письмами до начала 1960-х годов.

В предвоенные и предреволюционные годы жизнь семейств Михаила Людвиговича и Семёна Людвиговича в целом наладилась. Михаил Франк в 1912–1913 гг. сдал экстерном государственные экзамены в Юрьевском университете и в декабре 1913 г. получил диплом 1-й степени. Это позволило ему, наконец, получить доступ к преподаванию в высшей школе — с 1 января 1914 г. он начал работать в Санкт-Петербургском политехническом институте на кафедре проф. И. В. Мещерского. Елизавета Михайловна окончила Рождественские курсы медицинских сестер и Женский Ме-

---

⁴³ См.: *Оболевич Т., Цыганков А. С.* Свидетели «великого перелома»: переписка С. Л. Франка и А. Эйнштейна // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 111–116; *Переписка С. Л. Франка и А. Эйнштейна* / Публ. писем С. Л. Франка — Т. Оболевич и А. Цыганков. Публ. писем А. Эйнштейна — В. Хазана и В. Янцена. Пер. с нем. писем С. Франка — А. Цыганкова, пер. с нем. писем А. Эйнштейна — В. Янцена. Предисл. и комм. Т. Оболевич и А. Цыганкова // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 117–141.

⁴⁴ *Франк С. Л.* Мысли в страшные дни // Франк С. Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. С. 360.

⁴⁵ Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (далее: Архив ДРЗ). Ф. 4. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 4.

дицинский институт в 1913 г. Семён Франк, как уже было упомянуто, с 1912 г. начал работать приват-доцентом кафедры философии в университете. С мая 1913 по август 1914 г. Семён Людвигович вновь был в Германии — на этот раз в научной командировке по подготовке магистерской диссертации.

Именно к этому времени относится, видимо, единственный сохранившийся документ переписки между двумя семьями, направленный, так сказать, «в обратную сторону» — т. е., от Семёна Франка Михаилу Франку. Точнее, этот документ написан рукой Татьяны Сергеевны Франк. Это фотокарточка, изготовленная как почтовая открытка, однако адресов на ней нет — очевидно, она была вложена в конверт с письмом. На фото запечатлены Семён Людвигович и Татьяна Сергеевна на балконе дома, а подпись гласит:

«Милые Франки, шлем Вам свой привет. Как Вам нравится наш домик и мы? Детишки гуляли, а потому и не сняты! Как экзамены

Елизавета Михайл<овна>? Что мальчики? Спасибо за память о моей дочушке! Ребятки здоровы! Напишите что-нибудь о себе»⁴⁶.

Такая же фотооткрытка, сохранившаяся в архиве внука Семёна Людвиговича Франка — отца Петра Скорера, — позволяет установить, что на фото — дом 53 по Clemensstraße в Мюнхене, где Семён Людвигович с семьёй жил в 1913–1914 гг. Упомянутые экзамены Елизаветы Михайловны — очевидно, выпускные экзамены в Женском Медицинском институте. «Детишки» — это дети Семёна Людвиговича и Татьяны Сергеевны Виктор (ему было уже 4 года), Алексей (3 года) и Наталья, которой 2 ноября 1913 г. исполнился год — очевидно, Татьяна Сергеевна как раз благодарила за поздравление с этим днём рождения «моей дочушки», что позволяет нам датировать эту открытку началом ноября 1913 года.

Семья Михаила Людвиговича жила в эти годы в Санкт-Петербурге (Петрограде) по адресу ул. Лицейская, 11 (ныне — ул. Рентгена). Об этой квартире и об общении с семьёй брата отца вспоминал Илья Михайлович Франк:

«Я легко мог бы и теперь нарисовать план нашей квартиры. Как я понимаю, она была очень скромной — с печным отоплением, керосиновым освещением (уже на моей памяти провели электричество). Всего же комнат было пять: кабинет отца, столовая, спальня родителей, детская и комната бабушки. Была еще каморка около кухни, где могла жить прислуга. (...) Каникулы семья проводила на даче, обычно где-нибудь не очень далеко от Петербурга, главным образом в Финляндии. Что касается родственных связей, они не были очень тесными. Все же мы бывали в гостях у моего дяди Семена Людвиговича Франка, у которого были два сына, Витя и Алеша. Старший из них, Витя, был немного моложе меня⁴⁷. Иногда они бывали у нас. Вероятно, папа виделся с братом чаще, но я об этом не знаю. (...) Для нас с Глебом связи с Семеном Людвиговичем, Софьей Людвиговной и с их семьями оборвались после 1917 г., и о них сохранились только смутные воспоминания. Видимо, никого из тех, кого я упомянул, уже нет в живых»⁴⁸.

---

⁴⁶ Личный архив А. И. Франка.

⁴⁷ Илья Михайлович Франк родился 10 (23) октября 1908 г., а Виктор Семёнович Франк — 31 марта (13 апреля) 1909 г.

⁴⁸ Франк А. И. Илья Михайлович Франк. С. 884, 886.

Отметим, впрочем, что в квартире Михаила Людвиговича, как и в квартире Семёна Людвиговича, который в 1914–1917 гг. жил по адресу ул. Съезжинская, 12 — тоже на Петроградской стороне — в эти годы уже были телефоны⁴⁹. Понятно, что Семён и Михаил вполне могли видаться чаще хотя бы потому, что Семён Людвигович с осени 1914 г. до 1917 г. также преподавал (по совместительству) в Политехническом институте, где работал Михаил Людвигович.

Жизненные дороги двух семей расходятся в 1917 году. Летом Е. М. Франк по совету врачей едет с обоими сыновьями в Крым для лечения. Осенью она уже не решилась возвращаться в Петроград. Летом 1918 г. из Петрограда не без трудностей в Крым добрался и Михаил Людвигович, испросив отпуск в Политехе; туда же приехали брат Елизаветы Михайловны Павел Михайлович и ее мама Ольга Сергеевна. Так начался крымский период жизни Михаила Людвиговича, продолжавшийся до лета 1930 г. Между тем, Семён Людвигович Франк был назначен деканом нового историко-филологического факультета Саратовского университета, и в сентябре 1917 г. вместе с семьёй уехал в Саратов. Через четыре года, пережив в Саратове и близлежащих городках революционную разруху, голод и трагические события гражданской войны, Семён Людвигович осенью 1921 г. переехал в Москву, где работал профессором Московского Университета, активно участвовал в работе созданной Н. А. Бердяевым Вольной академии духовной культуры, а также Государственной академии художественных наук. Однако, согласно постановлению ЦК ВКП (б) от 10 августа 1922 г., С. Л. Франк, как «философ-идеалист», «противник реформы высшей школы», «правый кадет», способный «принять участие в церковной контрреволюции»⁵⁰, был выслан из страны — 29 сентября 1922 года на пароходе «Oberbürgermeister Naken» он с семьёй навсегда покинул Россию, вместе с другими изгнанниками отправившись в вынужденную эмиграцию.

За границей оказались также и сестра, и сводный брат Михаила Людвиговича. Софья Животовская с мужем покинули Россию ещё

---

⁴⁹ Весь Петроград. Адресная и справочная книга г. Петрограда. На 1916 гг. Пг., 1916. С. 718.

⁵⁰ Постановление Политбюро ЦК РКП (б) об утверждении списков выслаемых деятелей интеллигенции 10.08.1922 [Электронный ресурс] // Архив Александра Н. Яковлева. — Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56068>.

перед революцией и поселились в Париже. Лев Зак в 1917 г. переехал в Петроград, где женился, потом жил в Николаеве и в Крыму. По воспоминаниям Татьяны Сергеевны Франк, он выехал из Крыма после страшного погрома, когда чудом его семья избежала смерти⁵¹, — в апреле 1920 г. они эвакуировались в Константинополь, затем жили в Италии, в 1922–1923 гг. — в Берлине (он встречал пароход с семьёй С. Л. Франка в Штеттине), с конца 1923 г. — тоже в Париже.

Весь охваченный публикуемыми письмами период — с октября 1922 по декабрь 1937 г. — С. Л. Франк с семьёй жил в Берлине. Он активно участвовал (вместе с Н. А. Бердяевым) в создании и работе Религиозно-философской академии, а также Русского научного института; работал с молодежью в кружках Русского студенческого христианского движения, много ездил с лекциями, как в Германии, так и в других странах. В 1926 году он дважды — в феврале и октябре — ноябре — ездил в Париж читать лекции в Православном богословском институте; естественно, при этом часто бывал у сестры Софьи и брата Льва Зака, и, конечно, никак не мог предположить, что эти встречи с сестрой будут последними в жизни. В 1930–1933 гг. он преподавал в Славянском институте Берлинского университета, однако с приходом к власти нацистов лишился постоянной работы. Это значительно ухудшило и без того далеко не стабильное материальное положение семьи. Кроме того, находиться еврею в нацистской Германии было с каждым годом всё опаснее, однако возможностей куда-либо выехать практически не было, — наконец, после того, как в конце 1937 г. Франка вызывали в гестапо, он уехал в Швейцарию, где жил его друг, известный психолог и психиатр Людвиг Бинсвангер, и больше в Германию не возвращался.

В 1938–1945 гг. С. Л. Франк жил во Франции — в Париже, в средиземноморских местечках Ла-Фавьер и Ле Лаванду, а время немецкой оккупации он с женой пережил в преальпийских посёлках в районе Гренобля. После окончания Второй мировой войны философ переехал в Лондон, где жили его дети. Умер Семён Людвигович Франк от рака легких в декабре 1950 г.

Михаилу Людвиговичу Франку после революции пришлось начинать фактически новую жизнь в Крыму. Помог инженерный диплом — он был принят на работу в Алушке в Управ-

---

⁵¹ Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 190–191.

ление работ по изысканиям и составлению проекта орошения голодной степи. Управление вскоре закрылось, но осенью 1918 открылся Таврический университет, куда в январе 1919 г. М. Л. Франк был приглашен ассистентом кафедры анализа под руководством Н. М. Крылова. С первых дней он принимал активное участие в организации работы математического кабинета, в том числе — в наполнении его наглядными пособиями, которые изготавливались силами студентов под его руководством⁵². В апреле 1919 г. по инициативе Н. М. Крылова и М. Л. Франка было организовано Математическое общество, в котором Михаил Людвигович был частым докладчиком⁵³. В 1923 г. М. Л. Франк избирается профессором, затем заведует физико-математическим отделением института⁵⁴, а в 1927–1929 гг. работает заместителем ректора по учебной части — именно в этом качестве он настойчиво приглашал в Крым Т. А. Афанасьеву-Эренфест, которая, очень тоскуя по России, в течение ряда лет ездила из Голландии работать в Москву и другие города⁵⁵. На 1-м Всероссийском съезде математиков в Москве (1927 г.) М. Л. Франк — автор двух до-

⁵² См.: Банникова Л. П. Физико-математический факультет Таврического университета (1918–1930). Симферополь, 2014. С. 28–32.

⁵³ См.: Там же. С. 36–39. «Кандидат математических наук, инженер-механик, ассистент и приват-доцент Таврического университета» М. Л. Франк был записан в составе членов-учредителей общества.

⁵⁴ В 1925 г. Крымский (Таврический) университет был преобразован в Педагогический институт.

⁵⁵ Об этом С. Л. Франку писал П. Эренфест 11 октября 1927 г.: «Татьяна Алексеевна сейчас, поначалу только пробно, перешла на пару месяцев в педагогический институт в Симферополе, потому что ваш брат, как декан факультета, настойчиво ее приглашал. Однако по-прежнему она остается в штате во втором Московском университете». А в следующем письме от 11 ноября 1927 г. писал уже более подробно: «Сейчас я получаю письма от моей жены из Симферополя, и она постоянно пишет с особенной теплотой о полной жертвенности и плодотворности той манеры, в которой работает ваш брат. Из того, как она обо всем пишет, у меня складывается впечатление, что она решила остаться в Симферополе и дальше, а не только пробно. Она рассказывает, что студенты работают в чрезмерно тяжелых экономических условиях и часть из них с довольно плохой подготовкой (но она становится все лучше), однако при этом значительная часть работает с большим энтузиазмом» (Цыганков А. С., Оболевич Т. Голландский эпизод в философской биографии С. Л. Франка (новые материалы) С. 301, 306–307). Таким образом, как уже было отмечено, дополнительным каналом информации об оставшемся в Советской России брате для Семёна Франка была семья знаменитого лейденского физика.

кладов. На Международном конгрессе математиков в Болонье в 1928 г. был одним из советских делегатов. Елизавета Михайловна с 1921 г. работала в Алушке в детском туберкулезном санатории им. проф. Боброва.

С осени 1930 г. М. Л. Франк приступил к работе в Ленинграде профессором Физико-механического института (который выделился из Политехнического института, а в 1935-м снова слился с Политехническим — тогда Индустриальным). В 1931 г. Франку была выделена квартира в профессорском доме Политехнического института, после чего из Крыма приехала и жена. «Именно в этот период он не просто работает, но пишет свои основные книги по математике»⁵⁶. В 1937 г. он был утверждён в степени кандидата физико-математических наук без защиты диссертации.

В августе 1941 г. с эшелоном Физико-технического института (одним из последних эшелонов из Ленинграда) М. Л. Франк и Е. М. Франк эвакуируются в Казань. Туда же были эвакуированы со своими институтами их сыновья Глеб и Илья. Здесь в августе 1941 г. родился Александр Ильич Франк — внук Михаила Людвиговича. Однако этот город оказался последним земным пристанищем для его деда. «Зима 1941–1942 гг. была очень тяжелой: морозы стояли исключительно сильные, дров не хватало. С продовольствием также было очень трудно, несмотря на то, что Математический институт АН СССР зачислил М. Л. Франка на работу. К весне 1942 г. он оказался сильно ослабленным, и началось резкое обострение туберкулеза, которым он страдал много лет»⁵⁷. «Мы дежурили у его постели через ночь: ночь — я, ночь — Глеб. А отец как-то запомнил именно Глеба. Когда ему было совсем плохо (я обычно лежал рядом с его постелью на полу), он стонал: “Глебик!” Подходил я»⁵⁸. 9 сентября 1942 г. М. Л. Франк скончался. Он похоронен на Арском кладбище Казани.

⁵⁶ Франк И. М. Михаил Людвигович Франк. С. 274.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Франк А. И. История одной семьи // Природа. 2008. № 9. С. 30. Анна Глебовна Франк сохранила детские воспоминания об этом времени: «Я хорошо помню моего дедушку, Михаила Людвиговича, в Казани, в первый год войны, 1941–42 г., когда мне было 5 лет. Я часто и подолгу оставалась одна, родители очень много работали, мама на заводе, смена по 11 часов. Хотя бабушка уже была тяжело болен, а бабушка лежала со сломанной ногой, дедушка часто приходил ко мне, читал книжки, рассказывал разные истории. Он подарил мне шапки, купленные на базаре и выкрашенные в красный и черный цвета, в качестве

Семён Людвигович после высылки никогда не возвращался в Россию, а вот Михаилу Людвиговичу дважды удалось выезжать за границу. Первый раз — в 1926 г. с целью, прежде всего лечения, — при этом он побывал как в Берлине, так и в Париже, и встречался с братьями и сестрой. Подготовка к этой поездке и сама поездка нашли отражение в публикуемой переписке. Можно предположить, что в этот раз М. А. Франк заезжал к брату в Берлин дважды — в начале и в завершении своей поездки. Второй раз М. А. Франк был за границей в 1928 г. — он был участником Международного конгресса математиков в Болонье и работал в Гёттенгене. Открытка от 17 сентября 1928 г. свидетельствует о его пребывании в Париже, а воспоминания Василия Франка говорят о том, что в эту поездку он побывал и у Семёна Людвиговича в местечке Ребрюке под Потсдамом, где Франки жили этим летом (см. примеч. 3 к письму № 8). Это были последние встречи Михаила Людвиговича со своей сестрой и двумя братьями.

Наиболее информативны в публикуемой подборке письма Михаила Людвиговича крымского периода. Они дают возможность в деталях представить условия его жизни и работы в 1920-е и начале 1930-х годов, уточнить направления его научных поисков, проследить первые шаги взросления, а также и начальные этапы самостоятельной жизни сыновей Глеба и Ильи. В письмах можно почувствовать атмосферу становления науки и высшей школы в Советском Союзе, а также общий фон советской жизни тех лет. Причём, явное отличие состава переписки в 20-е и в 30-е годы вполне можно отнести не только к каким-то личным и семейным обстоятельствам, но к этому самому общему фону — а именно, существенному усилению идеологического контроля и усложнению контактов с заграницей в 30-е годы.

Как уже сказано, письма Семёна Людвиговича (и Льва Васильевича) к Михаилу Людвиговичу не сохранились — возможно, они пропали в период эвакуации, возможно — были уничтожены по соображениям безопасности. О посланиях брата упоминает в своих письмах Михаил Людвигович; есть и другие свидетель-

---

доски сам расчертил на квадраты лист бумаги, и черные поля аккуратнейшим образом заштриховал. В Казани дедушка научил меня играть в шашки. Михаила Людвигович остался в моей памяти как исключительно добрый и ласковый человек» (из личного письма А. Г. Франк Г. Е. Аляеву).

ства — так, Семён Людвигович в письме к жене из Парижа 28 октября 1926 г. писал:

«Сегодня читал лекцию, вернулся, поспал после завтрака, взял ванну, написал большое письмо Мише, почитал и посидел вечером с Соней, и теперь перед сном тебе пишу»⁵⁹.

А в письме от 11 августа 1927 г. сообщал: «Вчера написал Мише и Леве»⁶⁰. Скорее всего, писем (в том числе, возможно, и от Татьяны Сергеевны) было больше, чем мы имеем подобных упоминаний. Можно предположить, что сохранились и не все письма Михаила Людвиговича. Обратим, впрочем, внимание, что последняя сохранившаяся открытка в Берлин датирована январём 1933 г. — вполне возможно, что М. Л. Франк опасался писать брату в Германию после прихода к власти нацистов, и поддерживал связь только с Парижем. Правда, в цитируемом далее письме к Л. Бинсвангеру С. Л. Франк упоминает, что «последнее сообщение от него я получал в 1937 г.», — но, скорее всего, речь идёт о публикуемых далее письмах М. Л. Франка к Льву Заку, которые тот, в свою очередь, пересылал С. Л. Франку в Берлин. Впрочем, и с Парижем связь была далеко не регулярной. В сохранившемся отрывке письма от 2 октября 1929 г. Лев Зак писал Семёну Франку:

«Соня тоже, Бог знает, сколько времени, не получала от него известий. Было ли у вас что-нибудь от него и когда? Правда, я ему очень долго тоже не писал, но теперь сравнительно недавно написал два письма, одно в Симферополь, другое в Алупку, и тоже не имею никакого ответа. Хорошо бы написать Глебу, но я потерял его...».

Понятно, что речь идёт о Михаиле Людвиговиче и, возможно, об утерянном адресе Глеба Михайловича. В качестве приложения мы публикуем письмо Л. Зака к С. Л. Франку, написанное после получения известия о смерти Михаила Франка, — оно поясняет некоторые личные обстоятельства этой крайне нерегулярной переписки в 30-е годы. Это письмо, в частности, поясняет, почему в последней открытке, написанной в сентябре

---

⁵⁹ Архив ДРЗ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 26.

⁶⁰ Там же. Ед. хр. 5. Л. 2.

1937 г., Михаил Людвигович выражает надежду на выздоровление сестры Софьи, в то время как она уже умерла три месяца назад. Оказывается, Лев Васильевич не решился сразу написать о её смерти, и писал о болезни, как будто она ещё была жива (отметим, что в Берлин Лев Зак сообщил о смерти сестры сразу же), и только после получения сентябрьской открытки от брата Михаила решился сказать правду. Ответа он уже не получил. Правда, в 1943 г. Семён Франк писал Нине Александровне Струве, что не имеет «вестей от моего брата Мих<аила> после 1937 года, когда имел от него открытку после смерти нашей сестры»⁶¹, — однако, скорее всего, он тут вспомнил о той же самой открытке от сентября 1937 г.

С началом Второй мировой войны — во всяком случае, после оккупации Франции в 1940 г., — связь вообще стала невозможной. Семён Людвигович и Татьяна Сергеевна, сами уже почти отрезанные от внешнего мира, глубоко переживали за своих родных, оставшихся в Советском Союзе. В дни начала ленинградской блокады Татьяна Франк писала своему сыну Виктору в Лондон:

«Город, в котором ты родился, сейчас переживает решающие дни, и что-то будет, когда ты получишь это письмо. Тетя Маруся⁶², дядя Миша, конечно, волнуют нас страшно. Переживаем с папой все сильно»⁶³.

В результате получилось так, что о смерти своего брата Семён Людвигович узнал только после окончания войны. Попытки восстановить связь начал предпринимать Лев Зак уже летом 1945 г. Татьяна Сергеевна писала сыну Виктору 18 июля 1945 г.:

«Лева писал, что он послал телеграмму Мише в Петербург, в Политехникум — и получил ответ, что адресат не найден — он пошел в Сов<етское> посольство и узнал, что Политехникум был в 43 году переведен в Казань, и что некоторые отделения еще не вернулись. Он телеграфирует в Казань. Будем надеяться, что Миша

---

⁶¹ С. Л. Франк — Н. А. Струве. 21 март. 1943 // Hoover Institute Archive. Petr Bergardovich Struve papers. Box 6. Folder 1.

⁶² Очевидно, Мария Сергеевна Барцева-Павловская, младшая сестра Татьяны Сергеевны.

⁶³ Франк Т. С. — Франку Вик. С. 5 сент. 1941 // BA. S. L. Frank Papers. Box 5.

жив, — хорошо, что во время осады не был там. Очень радуемся за Илью, вероятно, он действительно хороший ученый»⁶⁴.

Не совсем ясно, какие именно сведения об Илье Михайловиче и откуда были получены⁶⁵. В декабре 1945 г. Лев Васильевич также обращался с просьбой (через посредника) к Василию Эмильевичу Сеземану, когда узнал, что тот бывает в Москве, «разыскать Мишу или Глеба и Ильюшу»⁶⁶. Оказавшись, наконец, осенью 1945 г. в безопасности в Лондоне, и Семён Людвигович также предпринял попытки восстановить связь с братом. Как же тяжело было ему узнать, что брата уже более трёх лет нет в живых... Об этом С. Л. Франк сообщил своим друзьям — Людвигу Бинсвангеру (8 января 1946 г.) и Василию Ельшевичу (21 января):

«В эти дни у меня тяжелое переживание. После долгого промедления, не повредит ли запрос в Россию адресату, я все же решил спросить по телеграфу о судьбе моего брата (который до начала войны был профессором математики в Петербурге) — последнее сообщение от него я получал в 1937 г. Сейчас я получил ответ от моего племянника, что мой брат умер еще в 1942 г. после тяжелой болезни. Кроме боли от самого известия — я очень его любил, и он был человек выдающихся душевно-моральных качеств — испытываешь особенно ужасное чувство от открытия того, что близкий человек, о котором ты часто думал, мертв уже 3 ½ года. Теперь я пережил обоих моих брата и сестру, кроме одного значительно более младшего сводного брата — художника в Париже»⁶⁷.

«Под самый конец письма оставил самое главное и тяжкое событие моей жизни. После долгого ожидания, в ответ на наш запрос,

---

⁶⁴ Франк Т. С. — Франку Вик. С. 18 июля 1945 // Там же.

⁶⁵ Возможно, речь идёт о работе И. М. Франка и И. Е. Тамма по теоретическому объяснению эффекта Черенкова (эта работа, за которую в 1958 г. он получил Нобелевскую премию, была опубликована в 1937 г.). Возможно, стало известно о награждении И. М. Франка орденом «Знак Почёта» в июне 1945 г. в связи с празднованием юбилея Академии наук СССР.

⁶⁶ Об этом он сообщал в письме к С. Л. Франку 11 декабря 1945 г. (BA. S. L. Frank Papers. Box 8. Zak, Lev Vasil'evich & Nadezhda Aleksandrovna). Философ В. Э. Сеземан был хорошо знаком с С. Л. Франком ещё по совместной работе в Петербургском и Саратовском университетах; с 1923 г. он работал в Литве.

⁶⁷ S. FrankanL. Binswanger 08.01.1946 // UniversitätsarchivTübingen. 443/7, 466.

получена телеграмма от Мишиного сына: Миша скончался после долгой болезни, еще осенью 1942 г. Так жутко с таким опозданием узнать о смерти брата! Из нас, трех “*geschwister*”⁶⁸ (не считая Левы Зака), я пережил всех — сестра скончалась 62 лет, а Миша — 64. Подробностей еще не знаю; кажется он был эвакуирован (со всем Политех<ническим> институтом) в 1941 г. в Казань⁶⁹.

Франк не указывает, от какого «Мишиного сына» получил печальное известие, однако из письма Льва Зака от 6 января 1946 г., которое мы публикуем в качестве приложения, становится известным, что печальную весть принесла телеграмма от Глеба Михайловича. Именно его адрес мы находим также в записных книжках Франка конца 1940-х годов: «Франк Глеб. Москва 182, Шукинская 33, кв. 38»⁷⁰. Правда, о какой-то последующей переписке Семёна Людвиговича или Льва Васильевича с Глебом Михайловичем нам неизвестно.

Ещё раз подчеркнём, однако, что такая переписка или любые другие контакты — в послевоенное время не менее, если не более, чем в довоенное — была небезопасна для живущих в Советском Союзе (что, кстати, хорошо понимали за границей — об этом

---

⁶⁸ *Geschwister* — братья и сёстры (нем.).

⁶⁹ Переписка С. А. Франка с В. Б. Ельяшевичем и Ф. О. Ельяшевич (1922–1950) / Публикация и комментарии Г. Аляева и Т. Резвых // Исследования по истории русской мысли [12]: Ежегодник за 2015 год / Под ред. М. А. Колерова. М., 2016. С. 177.

⁷⁰ Эту квартиру в новом семиэтажном доме, построенном на самой окраине Москвы, рядом с деревней Шукино, на высоком песчаном берегу Москва-реки, Глеб Михайлович с семьёй получил в начале 1941 г., и сюда вернулся из эвакуации осенью 1943 г. Поблизости был расположен Центральный Институт эпидемиологии и микробиологии (ЦИЭМ), и его сотрудники составляли большую часть жителей дома. По свидетельству его дочери Анны Глебовны, в этом доме у своего старшего брата, известного иммунолога и вирусолога Льва Александровича Зильбера бывал Вениамин Каверин, и именно этот дом он описал в романе «Два капитана»: «(...) Нельзя сказать, чтобы этот пятиэтажный дом, одиноко торчавший на пустом берегу, имел особенно привлекательный вид. (...) Теперь до пригорода В. можно добраться в десять минут на метро, а тогда нужно было добрый час тащиться на трамвае. Теперь В. — та же Москва, а тогда это было скучное место, и наш неуклюжий одинокий дом, который так и хотелось огородить, выглядел очень странно рядом с дряхлыми дачами, украшенными столбиками, перильцами и резными петушками» (Каверин В. Два капитана. М., 2004. С. 291). В 1958 г. часть улицы была переименована с изменением нумерации, теперь это — Живописная ул., 52.

упоминает и Лев Зак в публикуемом письме). Тем более это было опасно, если учесть секретный характер научных работ, которыми занимались Глеб Михайлович и Илья Михайлович. Более того, в литературе высказывались предположения, что родственные связи с эмигрантами всё-таки сыграли неблагоприятную роль в судьбе Г. М. Франка:

«В 1947 г. Франк организует закрытый Институт биофизики Третьего управления Минздрава СССР. За работы, выполненные в этом институте, Франку была присуждена Сталинская премия. Однако в 1951 г. он был снят с поста директора института. Формальным поводом послужило нарушение техники безопасности, об истинных же причинах можно только догадываться. Я думаю, что это было связано с наличием в Англии уже упоминавшегося известного родственника философа С. Л. Франка. В 1950 г. в связи с его смертью в зарубежной прессе появилось много публикаций, в которых фигурировали имена и его родственников, оставшихся в СССР: покойного родного брата (отца Глеба и Ильи) и двух племянников, будущих академиков»⁷¹.

Тем не менее, уже во время первых поездок сыновей Михаила Людвиговича за границу, сын Семёна Людвиговича Виктор (он жил в эти годы в Мюнхене) предпринимал попытки встретиться с ними. Сохранилось письмо Виктора к матери, Татьяне Сергеевне, датированное 17 августа — год не указан, но по контексту устанавливается 1955-й. Виктор пишет:

«Завтра вероятно вылетаю на два-три дня в Женеву, чтобы попробовать повидаться с Глебом Франком, который принимает участие

---

⁷¹ *Иваницкий Г. Р.* Время расставляет акценты... К столетию со дня рождения академика Г. М. Франка // Вестник Российской Академии наук. 2004. Т. 74. № 4. С. 345. Анна Глебовна Франк так передаёт устные воспоминания своего отца об этом времени: «К 1952 г. тучи сгустились над Глебом Михайловичем, число доносов на него, которые писали “бдительные сотрудники” его Института, превысило критическую массу, и со дня на день можно было ждать ареста. В этот момент Г. М. Франк обратился за помощью к руководителю атомного проекта И. В. Курчатову. Игорь Васильевич потребовал от Берии, который тогда курировал атомный проект, чтобы не трогали Франка: “он мне нужен для работы, я знаю его с 1927 г. и ручаюсь за него”. В результате И. В. Курчатов спас жизнь Г. М. Франку, но, тем не менее, Г. М. Франк в 1952 г. был внезапно снят с поста директора созданного им Института» (из личного письма А. Г. Франк Г. Е. Аляеву).

в атомной конференции. Еду на казенный счет. Очень мечтаю, что мне удастся встретиться с ним с глазу на глаз — и притом так, чтобы его не скомпрометировать. Напишу сейчас же»⁷².

Упомянутая «атомная конференция» — это I Международная конференция по мирному использованию атомной энергии, состоявшаяся в Женеве под эгидой ООН 8–20 августа 1955 г. М. Франк выступал на ней с докладом «О ранних реакциях организма на облучение в зависимости от локализации воздействия». К сожалению, нам неизвестно, состоялась ли такая встреча, или нет. Отголоском этой, если не встречи, то поездки Виктора, скорее всего, является сохранившаяся в архиве С. Л. Франка вырезка из советского англоязычного журнала «News. A soviet review of world events» от 16 августа 1955 г. со статьей Глеба Франка «Tracer atoms in medicine»⁷³.

А три года спустя состоялась первая — после более чем 40-летней разлуки — встреча Ильи Михайловича Франка со своим двоюродным братом Виктором. И. М. Франк в составе советской делегации был на Всемирной выставке в Брюсселе, и 13 августа 1958 г. выступал там с докладом. Во время доклада он получил записку с просьбой о встрече, подписанную «твой брат Виктор». Нужно хотя бы немного знать характер советской государственной машины, чтобы, как пишет А. И. Франк, «представить себе всю сложность положения, в которое попал Илья Михайлович»⁷⁴. На все идеологические запреты и предубеждения в отношении Запада, и особенно русских эмигрантов, в данном случае накладывалось сразу два обстоятельства. С одной стороны — сверхсекретный характер научных исследований И. М. Франка, принимавшего непосредственное участие в работах по атомному проекту и возглавлявшего одну из лабораторий атомного ядра в Физическом институте Академии наук⁷⁵. С другой — Виктор Семёнович Франк к тому времени уже успел поработать заведующим русской секцией радио ВВС, а с 1953 г. работал на радио «Освобождение» (с 1959 г. — «Свобода») в Мюнхене, т. е. был, так сказать, «ру-

⁷² BA. S. L. Frank Papers. Box. 7. Frank, Viktor Semenovich.

⁷³ BA. S. L. Frank Papers. Box. 19.

⁷⁴ Франк А. И. Илья Михайлович Франк. С. 920.

⁷⁵ См.: Илья Михайлович Франк. Очерки и воспоминания. С. 13–18. Незадолго перед этим И. М. Франк также возглавил нейтронную лабораторию в только что открытом Объединенном институте ядерных исследований в Дубне.

пором антисоветской пропаганды». «Так или иначе, но встреча состоялась, но не наедине»⁷⁶, — пишет А. И. Франк, и легко догадаться, что «компанию» двоюродным братьям составлял Комитет государственной безопасности⁷⁷.

Очевидно, что подконтрольность возможных контактов вынуждала сдерживать родственные чувства, однако не могла их уничтожить. Когда стало известно, что Илье Михайловичу Франку присуждена Нобелевская премия, Татьяна Сергеевна делилась с сыном Виктором:

«Я решила, что напишу письмо Илье, когда он приедет в Стокгольм, поздравлю его, все же он сын Миши, которого я очень люблю и папин племянник»⁷⁸.

Только с 1990-х годов отношения между потомками Михаила Людвиговича и Семёна Людвиговича Франков получили новое развитие, но это уже — другая история.

Письма Михаила Людвиговича Франка печатаются по: Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York. S. L. Frank Papers. Box 6. Frank, Mikhail Liudvigovich. Документы сопровождаются машинописным пояснением, подготовленным, очевидно, Татьяной Сергеевной Франк при передаче в архив в начале 1970-х годов: «Письма Михаила Людвиговича Франка, брата Семена Людвиговича. Проф. математики. Отец двух сыновей ученых Глеба и Ильи. Живут в Москве. Младший Илья получил с двумя другими учеными Нобелевскую премию. Михаил Людвигович скончался во время войны в 1944 или 45-м г. в Казани».

Выражаю благодарность Татьяне Николаевне Резвых и сестре Терезе Оболевич за предоставленные архивные материалы. Письма Михаила Людвиговича Франка печатаются с разрешения Александра Ильича Франка и Анны Глебовны Франк, которым также выражаю благодарность за консультации и советы.

⁷⁶ Франк А. И. Илья Михайлович Франк. С. 921.

⁷⁷ А. И. Франк также вспоминает о публикации в «Правде» интервью двух перебежчиков с радио «Свобода», в котором неоднократно упоминался Виктор Франк как «несомненный агент ЦРУ», — И. М. Франк по этому поводу сказал сыну: «Имей в виду, все это написано специально для нас с тобой» (Там же).

⁷⁸ Франк Т. С. — Франку Вас. С. 30 октября 1958 // ВА. S. L. Frank Papers. Box 5.

М. Л. ФРАНК. ПИСЬМА К С. Л. ФРАНКУ,
Т. С. ФРАНК И Л. В. ЗАКУ (1923–1937)

1. М. Л. Франк — С. Л. Франку. 8 авг. 1923 г.¹

8 Августа 1923

Дорогой Сеня! Твоему письму я чрезвычайно обрадовался и хотел было тотчас ответить, да как всегда — отложил на день-два, а там и недели прошли. Пишу все-таки по твоему летнему адресу², т. к. письма идут теперь не очень долго. Задерживал я ответ отчасти из-за того, что хотел тебе написать более определенно по вопросу о заграничной поездке, но увы — все еще ничего определенного написать не могу. Кроме визы, за которую тебе спасибо большое, затруднений и препятствий, как по существу, так и формальных, очень много. Во-первых, все мои лейб-медики упорно говорят, что ехать за границу мне стоило бы для лечения, если бы я мог попасть в хорошую санаторию, в хорошем месте, отрывать же время от летнего лечения здесь — для поездки с целью научной и личной, считают совершенно нецелесообразным. Поездка же для лечения сопряжена во 1-ых с большими расходами (а у меня денег нет) и во 2-ых с значительным временем, что может быть почти недопустимым из соображений служебных. Ссориться с Университетом³ мне совсем не хочется и нелзя. Я должен теперь признать к сожалению, что из-за моей инвалидности, — кроме профессорства в южном провинциальном университете — я к иной карьере уже не способен. Интенсивная и утомительная жизнь в столицах — уже не для меня, точно также как и какая либо непедагогическая работа. Кроме того и с самым Университетом я так сжился, что не могу совершенно равнодушно думать о том, какой ущерб я нанесу, если уеду надолго. Но — конечно — главное дело все-таки в деньгах. Соня⁴ мне уже давно все обещает прислать деньги на поездку — причем теперь это очень просто, так как переводы в иностранной валюте выдаются в Госуд<арственном> Банке той же валютой. Несколько раз она мне писала, что уже посылает, но потом я ничего не получал и писал ей, причем выяснялось, что она и не посылала. Я писал ей, что для поездки без лечения на два месяца нужно мне было бы около 40 £, а с лечением много больше, она мне ответила, что деньги бу-

дут и она их мне даст — но на какую сумму она рассчитывает — так и не написала. Я не знаю каковы ее материальные дела, но думаю, что она не пишет просто потому, что не очень внимательно читает мои письма. Сейчас у меня план такой:

Если виза не потеряет своей силы и я за осень получу деньги, то на Рождество устрой себе вместо месяца — двухмесячный отпуск и поеду в Берлин⁵. В случае даже, если в это время мой коллега проф. Вишневский⁶ и будет за границей (а у нас было постановление, что из 3-х математиков может отсутствовать только один), то пропуск одного месяца не будет слишком чувствителен и я приеду. К тому же времени я выхлопочу себе и командировку и паспорт. Пока же еще месяц проживу здесь на солнце и наберусь энергии.

Я пробыл месяц в санатории ЦКУБУ (Центр<альная> ком<иссия> улучш<ения> быта ученых)⁷ в Гаспре (бывш<ее> имении Паниной)⁸ где немного поправился. Сейчас опять у Лизы в Алупке⁹. Глеб еще до сих пор не отдыхал¹⁰. Он все время работает в Севастополе на биологической станции¹¹ — очень увлекся наукой и как говорят выказывает и умение и способности. Его стремления к наукам гуманитарным теперь совсем отодвинулись и он стал естественником, хотя и здесь его интересуют главным образом обще-биологические вопросы, отчасти философского характера. Работает он под руководством проф. Гурвича¹² — единомышленника немецкого проф. Дриша¹³. На днях ждем Глеба сюда. Илюша все время в Алупке¹⁴ и только на несколько дней ездил в Севастополь повидаться с Глебом и поразвлечься. Здоровье его очень важно, совершенно не знаем что с ним делать.

Лиза крайне переутомлена, у нее по санатории масса работы с 7 утра до 10 вечера. Заработок у нее сейчас недурной — за июль мы с ней вместе заработали около 10 миллиардов, т. е. 60–70 руб. золотом. Этого нам вполне хватает на то, чтобы не отказывать себе в питании и дать возможность Глебу жить в Севастополе. Но у Лизы большой заработок временно, т. к. она еще имеет добавочную работу до октября.

В общем все же прошлые годы голода уже по-видимому миновали¹⁵. Мы живем не так, как в культурных странах, но и не так как голодные волки. Конечно — на одежду и белье у нас так денег и нет.

В этом году южный берег Крыма опять ожил — много народу, ходят катера, и хотя из-за этого все вздорожало, все же прият-

но, что не такая мертвечина, как была последние годы. Пиши мне. С середины сентября буду в Симферополе. Об Леве я знал¹⁶.

Если у тебя есть деньги, или если ты можешь у Сони получить для меня немного денег, очень просил бы тебя снабжать изредка меня книгами, хотя бы по твоему выбору¹⁷. Из книг которые мне очень были бы нужны даю тебе список:

1) Enriques. Vorlesungen über projektive Geometrie (Teubner 1908)¹⁸.

2) Castelnuovo und Enriques. Theorie der algebraischen Flächen¹⁹.

3) Loria Sperielle algebraische und transcedente Curven (Teubner 1902. Книга дорогая — если денег мало, то не надо)²⁰.

4) Blaschke. Vorlesungen über Differentialgeometrie und geometrische Grundlagen der Relativitätstheorie (Springer) B. I und II²¹.

5) Veyl. Raum, Zeit und Gravitation²².

и особенно нужны мне каталоги новых книг. Вероятно можно получить у Springer'a²³ в Берлине. Выписать же все лучше всего через Friedländer'a на Karlstraße²⁴.

Говорят, что в Германии сейчас много интересных книг выходит и публицистических (от Spengler'a я не в восторге²⁵) и философских. Если что дешево и интересно — пришли, если будут деньги.

Привет сердечный Тат<ьяне> Серг<еевне>. В Гаспре я познакомился с ее старой знакомой по Саратову Анфисой Ильинишной Меркуловой²⁶, которая просила ей передать привет. Тебе просили передать привет Г. И. Чулков²⁷, А. Н. Потресов²⁸ и еще один твой коллега по Саратову экономист-армянин, фамилию которого я забыл — не могу вспомнить²⁹.

Ребятам твоим привет. Наверное не узнают уже меня³⁰.

Всего наилучшего. Твой М.

Лиза шлет Вам привет³¹.

---

¹ Рукопись, 6 страниц.

² Летом 1923 г. С. А. Франк отдыхал и работал в двух местах на побережье Балтийского моря: в июле — начале августа — в городке Цингст (здесь была закончена работа «Крушение кумиров»), во второй половине августа — в Прерове.

³ С 1919 г. М. А. Франк работал в Симферополе в Таврическом университете, который в этот период назывался Крымский университет им. М. В. Фрунзе. В 1923 г. он получил звание профессора.

⁴ Сестра Софья Животовская.

⁵ Поездка получилась только летом следующего года — см. письма № 2 и 3.

⁶ Лев Александрович Вишневский (1887–1938) — математик, баллистик, профессор Крымского университета, позднее — директор НИИ математики и механики Томского университета. Арестован в 1937 г., умер во время следствия.

- ⁷ ЦЕКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совнаркоме РСФСР, создана на основании постановления СНК от 6 декабря 1921 г.
- ⁸ Ныне — санаторий «Ясная поляна». В конце XIX — начале XX века дворцом владела графиня Софья Владимировна Панина (1871–1956), сдававшая его как дачу состоятельным лицам. В 1901–1902 гг. здесь жил Лев Толстой. Молодой С. А. Франк осенью 1901 г. отдыхал рядом, в имении Олеиз, и вспоминал позднее, что несколько раз видел Льва Толстого, но не решился подойти. В 1922 г. дворец был передан под санаторий.
- ⁹ Жена Елизавета Михайловна жила в Алупке и работала в детском туберкулезном санатории им. проф. Боброва.
- ¹⁰ Сын Глеб Михайлович с 1921 г. учился на Агрономическом факультете Крымского университета, жил в Симферополе, и одновременно работал на кафедре А. Г. Гурвича.
- ¹¹ Севастопольская биологическая станция создана в 1871 г. по инициативе Н. Н. Миклухо-Маклая. В 1963 г. преобразована в Институт биологии южных морей.
- ¹² Александр Гаврилович Гурвич (1874–1954) — советский биолог, родился в Полтаве в еврейской семье, окончил Мюнхенский университет в 1897 г. и несколько лет работал в Германии, профессор Таврического (Крымского) университета в 1918–1924 гг.; в 1924–1930 гг. — профессор кафедры гистологии и эмбриологии медицинского факультета Московского университета. В начале 20-х годов А. Г. Гурвич начал биофизические исследования по изучению ультрафиолетового (митогенетического) излучения живых тканей. В этих исследованиях участвовал Глеб Франк; позднее, в начале 1930-х гг., Г. М. Франк развивал это научное направление, возглавляя лабораторию биофизики в Ленинградском физико-техническом институте и лабораторию фотобиологии и биофизики Всесоюзного института экспериментальной медицины.
- ¹³ Ганс Дриш (Hans Driesch, 1867–1941) — немецкий биолог и философ, один из основателей витализма, профессор философии в Кёльне (1911), Лейпциге (1921). В 1915 г. вышла книга Дриша «Витализм» на русском языке в переводе и с дополнениями А. Г. Гурвича. С. А. Франк опирался на идеи неовитализма в своём переходе к метафизике в начале 1910-х годов, неоднократно ссылаясь на Г. Дриша, а в эмиграции лично познакомился с ним, когда в 1928 г. выступал в Лейпциге с лекцией.
- ¹⁴ Сын Илья Михайлович учился в Ялте (см. примеч. 9 к письму № 4), в это время находился на каникулах.
- ¹⁵ А. И. Франк приводит выдержку из решения Совета Университета от октября 1920 г., в котором, в частности, говорилось: «Сотрудники университета доведены до такой степени нищеты, при которой уже начинается вымирание определенной группы или неизбежная необходимость прекращения научной работы. (...) Профессора университета, чтобы не умереть с голоду, вынуждены были продавать последние вещи, брались за любую дополнительную работу, пилили дрова, шили сапоги и т. д.» (Франк А. И. Илья Михайлович Франк. С. 891). В интервью З. П. Грибовой Илья Михайлович Франк говорил, что, по словам Глеба, в Крыму в те годы было настолько голодно, что бывали случаи людоедства (Там же).
- ¹⁶ Что конкретно сообщал Семён Людвигович Михаилу Людвиговичу о жизни Льва Зака — не ясно. Лев Васильевич в это время жил в Берлине, зарабатывал оформлением театральных декораций. Возможно, речь шла и о каких-то душевных переживаниях. 15 июля 1923 г. Лев Зак писал С. А. Франку: «Если между на-

ми теперь чувствуется некоторое отчуждение, то отчасти это оттого, что я редко вижу тебя одного, отчасти, может быть, потому, что мы с тобой люди все-таки уже разных поколений, но больше всего, конечно, по моей вине, потому что я переживаю сейчас такой острый жизненный момент, сложность которого я не могу открыть даже тебе. Может быть, через некоторое время я и приду к тебе исповедоваться, но сейчас и хочу и не могу» (BA. S. L. Frank Papers. Box 8. Zak, Lev Vasil'evich & Nadezhda Aleksandrovna).

- 17 О живом интересе М. Л. Франка к зарубежной научной литературе писал И. М. Франк: «Я хорошо помню, как в начале 20-х годов, когда молодая советская республика только еще начинала восстанавливать связи с зарубежной наукой, он с увлечением изучал монографии по общей теории относительности, бывшей в то время достоянием лишь немногих (...) и стал блестящим популяризатором теории относительности» (Франк И. М. Михаил Людвигович Франк. С. 281). Последнее утверждение иллюстрируется, между прочим, следующим фактом: 26 марта 1923 г. М. Л. Франк читал публичную лекцию, организованную Математическим обществом, на тему «Принципы относительности» (см.: *Банникова Л. П. Физико-математический факультет Таврического университета*. С. 61).
- 18 Федерико Энриковес (Federigo Enriques, 1871–1946) — итальянский математик, занимался алгебраической геометрией. Год издания указан неточно, см.: *Enriques, F. Vorlesungen über projektive Geometrie*, von Deutsche ausg. von Dr. Hermann Fleischer. Mit einem Einführungswort von Felix Klein. Leipzig: B. G. Teubner, 1903. Второе издание на немецком языке выходило в 1915 году. Первое издание на итальянском языке было в 1898 г.
- 19 Гвидо Кастельнуово (Guido Castelnuovo, 1865–1952) — итальянский математик. Книги с таким названием не обнаружено, но есть большая статья в Энциклопедии математических наук: *Castelnuovo, G. und Enriques, F. Die Algebraischen Flächen vom Gesichtspunkte der Birationalen Transformationen* aus // *Encyklopädie der mathematischen Wissenschaften. Geometrie*. S. 674–768.
- 20 Джинно Бенедетто Лория (Gino Benedetto Loria, 1862–1954) — итальянский математик. См.: *Loria, G. Spezielle algebraische und transscendente ebene kurven. Theorie und Geschichte*. Autorisierte, nach dem italienischen Manuskript bearbeitete deutsche Ausgabe, von Fritz Schütte. Leipzig: B. G. Teubner, 1902.
- 21 Вильгельм Блашке (Wilhelm Johann Eugen Blaschke, 1885–1962) — австрийский математик. См: *Blaschke, W. Vorlesungen über Differentialgeometrie und geometrische Grundlagen von Einsteins Relativitätstheorie*. 3 Bde., Springer, Grundlehren der mathematischen Wissenschaften 1921–1929 (Bd. 1 Elementare Differentialgeometrie, Bd. 2 Affine Differentialgeometrie, Bd. 3 Differentialgeometrie der Kreise und Kugeln, 1929).
- 22 Герман Вейль (Hermann Klaus Hugo Weyl, 1885–1955) — немецкий математик, физик и философ. См.: Weyl, H. *Raum, Zeit, Materie: Vorlesungen über allgemeine Relativitätstheorie*. J. Springer, 1918. В 1921 г. вышло 4-е изд., в 1922–5-е.
- 23 Springer — Берлинское издательство, с 1920 г. издает журнал «Mathematische Annalen», одним из редакторов которого был А. Эйнштейн.
- 24 Берлинское издательство: Verlag R. Friedländer & Sohn, Berlin, Karlstraße 11.
- 25 Имеется в виду книга О. Шпенглера «Закат Европы». С. Л. Франк участвовал в сборнике «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (М.: Берг, 1922) со статьёй «Кризис западной культуры»; этот сборник был одним из предлогов в деле о выселке интеллигенции (в том числе и С. Л. Франка) в 1922 г. Освальд Шпенглер (Oswald Spengler, 1860–1936) — немецкий философ и публицист; книга «Der Untergang des Abendlandes» в 2 т. вышла в 1918 и 1922 годах.

- ²⁶ Личность не установлена.
- ²⁷ Георгий Иванович Чулков (1879–1939) — писатель, литературный критик. В 1904–1905 был секретарём журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни», где, очевидно, и познакомился с С. Л. Франком. В 1906 г. выступил идеологом теории «мистического анархизма», которую С. Л. Франк подвергал критике.
- ²⁸ Александр Николаевич Потресов (1869–1934) — один из основателей РСДРП, меньшевик. В 1925 г. выехал за границу по болезни, поселился в Берлине.
- ²⁹ Скорее всего, имеется в виду Степан Фёдорович Кечекьян (1890–1967) — правда, он был правоведом, а не экономистом, в 1918–1919 гг. работал в Саратове профессором и деканом факультета общественных наук в университете, а также в Институте народного хозяйства — что, возможно, и запомнилось Михаилу Людвиговичу (благодарю за консультацию проф. А. А. Гапоненкова).
- ³⁰ У С. Л. Франка было четверо детей: Виктор Франк (1909–1972), Алексей Франк (1910–1969), Наталья Франк (Скорер, Норман, 1912–1999) и Василий Франк (1920–1996), который Михаила Людвиговича ещё не видел.
- ³¹ Возможно, откликом на это письмо, или на какое-то ещё, в котором Михаил вновь сообщал брату об откладывании своей поездки, является замечание Франка в открытке к жене, написанной во время поездки в Рим 27 октября 1923 г.: «Получил два твоих письма, спасибо, родная, рад, что у вас все благополучно, очень огорчает Миша» (Архив ДРЗ. Ф. 4. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 16).

2. М. Л. Франк — С. Л. Франку. 26 июня 1924 г.¹

Herrn Professor S. L. Frank

Berlin W.

Karl Schraderstr. 1¹ bei Grothe

Allemagne

Paris 26.VI.24

Милые Франки и Франчата. Добрался благополучно до Парижа и был встречен Соней,левой и Ниной². По дороге оказалось, что мой поезд от Кельна не имеет 3го класса и если бы я случайно не взял денег с запасом, мне пришлось бы застрять почти на сутки и трястись лишнюю ночь.

Соня была так неостроумна, что послала чек в Birkenwerder³. Если получишь, отдай 110 м. Ренцацкой⁴ поскорее (узнай не может ли она получить чек скорее тебя). Перед отъездом на дачу отдай 40 м. Вулику⁵ для Гурвич⁶. Леву почти не видал он страшно занят <нрзб.>.

Подробнее другой раз. Привет!

Адр.: L. Zack, 66 rue de Chateau Boulogne. Seine Paris

¹ Открытка. Вид: Paris. Place de la Concorde.

² Возможно, имеется в виду Нина (Антонина) Николаевна Сеземан (урожд. Насонова, во втором браке — Клепинина, 1894–1941). Очевидно, Франки

были знакомы с ней ещё по Петербургу — С. Л. Франк работал с её мужем Василием Эмильевичем Сеземаном на кафедре философии Петербургского университета. После развода в 1922 г. Нина Сеземан проживала в Париже и дружила с семьей Льва Зака. Посещая в 1926 г. Париж, С. Л. Франк встречался и с ней — так, 27 октября 1926 г. он писал жене: «Вчера я был у Нины Сеземан, у нее были Лева с Надей и m-me Сувчинская (Вера). Нина очень мила, и это — единственное место, где я мог всласть наговориться о тебе и детях — все и все в нашей семье ее искренно интересовало» (Архив ДРЗ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 25).

³ Биркенвердер — коммуна в Германии, в земле Бранденбург, в составе района Верхний Хафель. Возможно — место летнего отдыха семьи С. Л. Франка.

⁴ Личность не установлена.

⁵ Личность не установлена.

⁶ Возможно, имеется в виду подруга семьи С. Л. Франка Мария Михайловна Гуревич.

3. М. Л. Франк — С. Л. Франку. 1 июля 1924 г.¹

Herrn Prof. S. L. Frank

Berlin W.

Karl Schraderstr. 1¹ bei Grothe

Allemagne

1.VII.24.

Милый Сеня! Меня очень удивляет, что от тебя нет известий и что нет для меня писем из дому.

Напиши пожалуйста, получил ли ты деньги, имел ли для меня письма и что у вас слышно. Здесь очень хорошо. Подробно расскажу при свидании. Адр.: Paris XVI, 32, Rue Pergolèse Pergolèse-House. Живу здесь вместе с Соней и Саей². Привет всем. М.

¹ Открытка. Вид: Paris. Flower Market Near Conciergerie. Штемпель: Paris. 1. VII.

² Исай (Исайя) Александрович Браудо (1896–1970) — брат жены Льва Зака Надежды Браудо, органист, в 1924 г. совершенствовал свое мастерство в Европе, в том числе в Париже. Позднее — профессор Ленинградской консерватории.

4. М. Л. Франк — С. Л. Франку. 20 января 1925 г.¹

20 Января 25.

Дорогой Сеня! Мне ужасно стыдно, что я так долго Вам не писал, все хотелось написать поподробнее, не хватает мужества написать маленькую открытку, как это сделал ты, а длинно писать никак не мог собраться.

О моей судьбе ты знаешь². Через месяц по приезде у меня заболела нога (тазобедренный сустав), я попробовал поехать в Симферополь, но боль усилилась, появилась боль в позвоночнике (в поясничных позвонках) и я с середины октября окончательно слег. Вслед за тем у меня появилась боль в грудных позвонках, а затем в левом плече (раньше у меня болело правое плечо). После трех месяцев лежания стало немного лучше, но что со мной — так и неизвестно, так как рентгеновские снимки не дают ясных изменений в кости. Теперь задним числом ясно, что и в шейных позвонках костного туберкулеза у меня не было и Киш³ меня морочил, надо было лечиться как-нибудь иначе. Есть предположение, что у меня туберкулезный ревматизм. Собирался я одно время ехать в Москву в клинику, но помимо дороговизны поездки, отменил ее по совету здешних врачей на том основании, что мне становится немного лучше и целесообразно отложить поездку до весны. Так вот я лежу и лежу без видимого конца впереди.

В Университете, который теперь преобразован в Педагогический Институт⁴, я еще числюсь профессором, но уже не получаю жалования, так что сейчас мы все существуем на один заработок Лизы. (До января я все еще немного получал)⁵. Как мы будем существовать дальше не знаю, так как, хотя Лиза и получает по нашим понятиям порядочно (90 руб.), но на всех нас, при жизни в разных местах этого недостаточно.

Глеб не очень давно был снова принят в Университет и сейчас спешно его кончает. Вероятно месяца через два он уже закончит его⁶. Что будет делать дальше — неизвестно. Его патрон получил кафедру в Московском Университете⁷ и обещает его при первой возможности устроить в Москве, но это вряд ли будет раньше будущей осени. Если будет какая-нибудь материальная возможность, то до этого ему надо будет поехать для продолжения его работ без заработка либо на биологическую станцию в Севастополь, либо на север. Здоровье его очень неважное, туберкулезное наследство явно начинает сказываться. Он очень бодрый, общительный юноша, любящий и науку и веселие. Одна его работа уже напечатана в немецком журнале, сейчас готовится вторую⁸.

Илюша в Ялте, хорошо учится в Промышленно-экономическом техникуме (бывш<ее> коммерч<еское> училище)⁹, сейчас в предпоследнем классе (по старому в 7^м классе). Но к коммерч<еским> наукам он никакой склонности не имеет, за то проявляет большие способности к математике, которой занимается с увлечением, зна-

ком уже с началом высшей математики и без труда мог бы перейти на 2ой курс математического факультета. К сожалению его дальнейшая судьба совсем неопределенна, так как в Симферополе Университета нет, а отправлять его далеко еще рано. Ростом он очень большой — одного роста со мной — но в общем еще ребенок совсем. Характер у него в противоположность Глебу — замкнутый, друзей и товарищей у него совсем нет и к общественной жизни никакой склонности. Лиза много работает, из-за меня не взяла отпуска и крайне переутомлена. Часто бывают небольшие сердечные припадки, из-за чего почти не может далеко ходить.

С того времени, что я с вами виделся жизнь у нас сильно изменилась, восстановление материальной культуры идет поразительно быстро, так что сейчас уже странно вспомнить, как мы жили несколько лет тому назад. Но и в духовном отношении чувствуется прогресс. Не говоря об научной деятельности, которая почти не прекращалась, сейчас начинают выдвигаться новые, действительно талантливые писатели и поэты. Доходит ли до вас что либо?

Об Леве я знаю, но давно теперь не имел писем и не знаю, как они сейчас живут¹⁰. Напиши поподробнее об Вас всех, почему Таня не осуществила своего плана заработка при помощи пансиона¹¹? Как живут все ребята. Если соберетесь сняться пришлите карточку. Я в след<ующий> раз пришлю Вам нашу карточку, снятую еще осенью.

Поздравляю тебя с днем твоего рождения, хотя теперь уже возраст наш таков, что с этим поздравлять не резон¹². Будьте все здоровы. Я всех вас и помню и часто вспоминаю, но часто писать не могу.

Привет всем, кто меня помнит.

С опозданием поздравляю Таню с днем ангела¹³, пусть не сердится, что поздравление запоздает. Желаю здоровья.

---

¹ Рукопись, 2 страницы.

² Ранее М. Л. Франк писал, по крайней мере, два раза А. В. Заку. 13 ноября 1924 г. Лев Зак сообщал С. Л. Франку: «От Миши у меня было письмо. Он лежит в Алушке, его собираются начать лечить туберкулином. Настроение у него очень неважное. Я ему до сих пор ещё не ответил, но мне ужасно тяжело писать о смерти Александра Исаевича» (В. А. S. L. Frank Papers. Box 8. Zak, Lev Vasil'evich & Nadezhda Aleksandrovna. Год в письме не указан, но речь идёт о смерти тестя Льва Зака — А. И. Браудо, который умер 8 ноября 1924 г.). А 6 декабря 1925 г. вновь сообщал: «От Миши было письмо, в кот<ором> он писал, что лежит, что боли полегчали и что материально им сейчас не очень плохо» (Там же).

³ Личность не установлена.

- ⁴ В октябре 1924 г. физико-математический факультет был объединен с педагогическим факультетом, а 1 октября 1925 г. Крымский университет был реорганизован в Крымский педагогический институт им. М. В. Фрунзе (см.: *Банникова Л. П.* Физико-математический факультет Таврического университета. С. 58).
- ⁵ Видимо, в связи с болезнью — потом продолжил работать. О докладах М. Л. Франка в Математическом обществе, И. М. Франк писал: «Обращает на себя внимание отсутствие докладов 1924 г. М. Л. Франк в то время болел, а затем находился за границей (лечился и работал)» (*Франк И. М.* Михаил Людвигович Франк. С. 281, прим.). Скорее, как видим, сначала был за границей, а потом болел. Предыдущий доклад был 8 декабря 1923 г., а последующий — 6 мая 1925 г. (Там же. С. 293).
- ⁶ См. примеч. 3 к письму № 6.
- ⁷ А. Г. Гурвич — см. примеч. 13 к письму № 1.
- ⁸ Первые статьи Г. М. Франка вышли в 1925–1926 гг. в журналах «Archiv für mikroskopische Anatomie und Entwicklungsmechanik» и «Wilhelm Roux' Archiv für Entwicklungsmechanik der Organismen».
- ⁹ Ялтинский промышленно-экономический техникум был образован в 1921 г. в здании бывшей женской гимназии (ул. Войкова, 4). По словам А. И. Франка, Илья Михайлович «несколько иронично относился к образованию, которое дала ему ялтинская школа — по его словам, какое-то время в ней, в частности, практиковался так называемый бригадный метод обучения, когда уровень знания оценивался сразу у бригады учеников» (*Франк А. И.* Илья Михайлович Франк. С. 890).
- ¹⁰ Возможно, Семён Людвигович сообщил брату о тяжёлом материальном положении Льва и его семьи. Дочь Льва Зака Ирина вспоминала об этих годах: «Мы жили в очень тяжелых материальных условиях (...). Это не была нищета, но все же настоящая бедность» (*Зак Ирина.* Леон Зак (1892–1980) // Евреи в культуре русского зарубежья. Статьи, публикации, мемуары, эссе. Т. IV. 1939–1960 гг. Сост. и изд. М. Н. Пархомовский. Иерусалим, 1995. С. 249, 253).
- ¹¹ О таких планах в этот период нам неизвестно, но они реализовались позже, в 1937–1938 годах, когда Татьяна Сергеевна сначала организовала проживание постояльцев в доме, который сами Франки сняли на лето в посёлке Гельтов под Берлином, а потом принимала пансионеров в доме сына Алексея в Ла-Фавьере, где они с Семёном Людвиговичем жили весной и летом 1938 г. Кроме того, во время летнего отдыха за городом, как правило, берлинские квартиры, в которых жили Франки, тоже сдавались постояльцам.
- ¹² 29 января 1925 г. С. Л. Франку исполнилось 48 лет.
- ¹³ Татьянин день 25 января.

5. М. Л. Франк — С. Л. Франку. 5 августа 1925 г.¹

5 Августа 1925

Дорогой Сеня! Спасибо за письмо. Напрасно ты думаешь, что я считаюсь письмами, до этого я не дошел и мне не менее стыдно, чем тебе, что я не писал. Но причины к тому были. Правда главная причина вероятно все таки лень и отвычка от писем, что непросто, но с чем очень трудно бороться.

Мы все живы, относительно здоровы. Мое здоровье очень хорошо. Прошлой осенью, после приезда из заграницы мне стало много хуже и до весны я пролежал, а весной сразу пошло на улучшение. В марте я еле ходил, в мае уже с большим трудом съездил в Симферополь, но все же читал там лекции², а в июне и июле уже делал пешком по 10 верст. Аппарат свой давно выбросил и хотя боли понемногу есть, но я перестал на них обращать внимание. Скоро, в конце этого месяца еду в Симферополь, так как хочу там быть до начала занятий.

Будущность моя мало меня привлекает, так как в Симферополе у нас Университет ликвидирован, остался Педагогический Институт, в котором для меня работа мало интересная. Большинство моих ближайших друзей из профессоров уехали и там будет очень тоскливо³. Мне же деваться как то некуда, так как единственный город, где у меня есть связи и куда мне хочется ехать — это Ленинград, а туда вряд ли по климатическим условиям мне мыслимо жить. Тем более, что и для Илюши Питерский климат был бы неподходящ.

Лиза все так же много работает, имела за два года лишь 2 недели отпуска и постепенно все больше устает и изнашивается. Сердце у нее совсем плохое и ходить она может очень мало. Ей необходимо длительный отпуск на несколько месяцев, что вряд ли осуществимо.

С точки зрения здоровья нас и мальчики наши не радуют. Вы в этом отношении счастливее. Глеб зимой перенес вторично плеврит и с легкими у него не совсем благополучно. Илья худой, бледный, вялый и никак не поправляется, несмотря на наилучшие условия. В остальных отношениях они оба молодцы. Глеб весной выступал с докладом в Москве на всесоюзном съезде анатомов и гистологов⁴, после чего был избран сначала в Симферополе научным сотрудником (по старому оставленным при университете), а сейчас имеет надежду устроиться также в Москве, но пока без жалования. Он очень живой юноша и способный как к теоретической работе, так и к экспериментальной, так что есть все основания надеяться, что он сумеет выбиться на научном пути.

Илья проявляет определенные способности в области математики и физики, по способностям не уступает Глебу, но зато по характеру совсем иной — застенчивый, молчаливый, не умеющий показать себя. Ему труднее будет пробить себе дорогу в жизни. Он кончил школу 2ой ступени, но в этом году никуда не поступит⁵.

Я хочу с ним заниматься сам математикой и физикой, а кроме того обучить его языкам, для того чтобы в будущем году уже устроить его куда-нибудь, где он сможет хорошо учиться — в Москве или Ленинграде.

Материально мы живем теперь недурно, нам не приходится уже отказывать себе в самом необходимом. Конечно, у нас нет ни гроша запасов, но мы привыкли теперь жить легкомысленно — не думая о будущем. Так мы совсем не знаем, как мы будем жить, если Глеб в Москве долго не найдет заработка, но думаю, что как-нибудь кривая вывезет. В общем у нас все таки несомненно есть ощущение, что в материальном отношении, да и не только в материальном, жизнь становится с каждым годом легче и не смотря на то, что мы старимся, все же такое ощущение придает бодрости. Лично же я кроме того, благодаря тому что так неожиданно быстро стал поправляться особенно сильно ощущаю надежды на лучшее будущее в нашей жизни. Если мои руки, ноги и спина не разболются, и не придется слечь, то надеюсь еще смогу пожить не плохо.

Напиши обо всех вас. Где Вулики? От Сони давно не имел писем и это меня начало беспокоить. Хотя она мне писала уже после того как оправилась от операции, но еще не окончательно, а с тех пор ничего не пишет. Привет Тане и всем твоим ребятам. Очень бы хотелось Вас всех увидеть. До начала Сентября адрес мой Алупка, а потом Симферополь, Гоголевская, 5⁵. Будьте все здоровы. Пиши. М.

---

¹ Рукопись, 6 страниц.

² 6 мая 1925 г. — доклад М. А. Франка «О многоугольниках Poncelet» в Математическом обществе (*Банникова Л. П.* Физико-математический факультет Таврического университета. С. 61).

³ «В связи с реорганизацией университета, качество и интенсивность исследований на физико-математическом факультете начали снижаться» (Там же. С. 58). Ещё в 1922 г., в связи с избранием академиком АН УССР, проф. Н. М. Крылов переехал в Киев, а в 1925 г. в Томск уехал проф. А. А. Вишневский, и в Ленинград — проф. Н. С. Кошляков (Там же. С. 59, 61–62).

⁴ II съезд зоологов, анатомов и гистологов состоялся в Москве в мае 1925 г.

⁵ Сохранилась зачётная книжка «слушателя II курса» И. Франка за 1924/1925 учебный год с записью: «Переводится на III-й курс» (Илья Михайлович Франк. К 110-летию со дня рождения. С. 36; см. также: Илья Михайлович Франк. Очерки и воспоминания. С. 7–11). Однако в 1925 г. Илья переехал к отцу в Симферополь, где, не являясь студентом, слушал в университете лекции по физике и математике, принимал участие в работе математического общества и делал там доклад, впоследствии опубликованный.

6. М. Л. Франк — С. Л. Франку. 2 января 1926 г.¹

Алупка 2 Янв. 1926 г.

Дорогой Сеня! Наконец я получил от тебя письмо, хотел ответить тотчас же, но до каникул не собрался. Я не знал, что ты летом получил мое письмо, ждал ответа, запрашивал Леву, но так и не добился, живешь ли ты там же и как живешь. Очень рад был узнать, что относительно вы живете не плохо. Если бы тебе удалось сделать научную карьеру при немецком университете, то вероятно это и в материальном отношении было бы не плохо².

Что касается нас, то живем мы не плохо, но конечно и у нас есть свои но. Уже одно то, что семья наша всегда живет вразброд очень тяжело, особенно когда за своей спиной чувствуешь 47 лет. Хотелось бы иметь домашний уют, а не жить по студенчески.

Эту зиму Глеб один в Москве. Он получил место препаратора при гистологическом кабинете Московского Университета³. Это хотя и не научно-педагогическая, а только техническая должность, но даст ему возможность научно работать. Будет ли он со временем оставлен при Московском Университете это не совсем определено, к тому есть много препятствий разного рода. Но пока он доволен своим положением и своей работой. Получает он 40 рублей — это приблизительно $\frac{2}{3}$ того, что ему нужно для скромной жизни. К сожалению с его здоровьем очень неблагополучно, у него какое-то заболевание печени (мож<ет> быть наследственно от нашей мамы⁴) и хроническое воспаление желчного протока, что очень сильно отражается на его самочувствии и работоспособности. Больше месяца он пролежал в клинике без большой пользы. На каникулы сюда не приехал. Я живу с Илюшей в Симферополе, продолжаю преподавать в бывшем Университете, теперь преобразованном в Педагогический Институт. Педагогическая деятельность сейчас меня очень мало удовлетворяет и сейчас я сделал попытку начать работать в области практической — электрификации Крыма. С этого лета начнется постройка большой гидроэлектрической станции под Севастополем⁵, а с будущего года мож<ет> быть будет осуществляться и южно-бережная дорога⁶, так что есть возможность работать в более живой области, что и интересней, чем педагогика, и лучше оплачивается. Впрочем, я еще не знаю как и сколько я буду работать.

Илюша в этом году никуда не поступил, живет со мной и усердно занимается математикой, физикой и языками. В качестве воль-

нослушателя слушает лекции на старших курсах. Работает много и очень успешно кроме своего ученья над самостоятельными изобретениями разного рода. Как и где будет учиться в будущем году — еще не решили. Ему имеет смысл учиться только в Москве или Питере, но посылать его одного еще не решаемся, а Глеб в Москве все еще плохо устроен, без комнаты, так что вряд ли сможет взять на себя устройство Илюши⁷.

Не хочется пока думать о будущем, так это все сложно.

Лиза продолжает служить и работать в Алупке, все также из последних сил, очень устает и не может отдохнуть. Для отдыха ей надо уехать, а между тем весь прошлый год она была привязана из-за меня, а в этом году из-за Ольги Петровны⁸, которая совсем плохо и вряд ли долго протянет еще.

Мои все болезни почти ликвидированы. Изредка чувствую боли, привык уже к своей инвалидности, но работать могу. Никаких аппаратов не ношу, но работоспособность моя невелика. Материально мы теперь живем вполне удовлетворительно, начинаем даже мечтать о том, чтобы скопить немного денег на случай поездки куда-нибудь. До сих пор еще нам не приходилось думать о «накоплении».

Письмо это Вы получите к праздникам, а потому поздравляю Вас всех. Поздравляю и с Новым Годом и желаю всего, чего Вы себе сами желаете. Надеюсь, что нам так или иначе удастся скоро увидиться. Привет большой Тане и всем твоим ребятам. Лиза шлет Вам всем привет.

Пиши мне. Где Вулики? Передай им привет и напиши их адрес, если знаешь. Всего хорошего.

Твой М.

---

¹ Рукопись, 6 страниц.

² Основным местом работы С. Л. Франка в первые берлинские годы был Русский научный институт, однако его финансовое положение было неустойчиво. 6 апр. 1925 г. С. Л. Франк писал Н. А. Бердяеву: «Мы живем “с грехом пополам”. Материально кое-как существуем, когда Институт платит. (...) Живу только мечтой о возможности найти такой немецкий заработок, к<ото>рый избавил бы от участия во всех русских делах. Эта возможность теоретически здесь есть, но практически она пока есть только воздушный замок» (Из переписки С. Л. Франка и Н. А. Бердяева (1923–1926) / Сост., публ. и комм. А. А. Гапоненкова // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 137). А 5 января 1926 г. сообщал тому же Н. А. Бердяеву: «В Берлине всё русское замирает. Зато есть надежда возможности действия для немцев. Я в течение этой зимы объездил 6 немецких городов с докладом “Die russische Weltanschauung”, и предстоят еще поездки. Немцы

страстно интересуются Россией и те круги, с которыми я имел дело, — именно духовными проблемами русской мысли» (Там же. С. 140). Однако попытки в последующие годы устроиться в какой-либо немецкий университет не имели успеха — только в 1930–1933 гг., благодаря помощи своего коллеги ещё по Саратову М. Фасмера, С. А. Франк читал лекции в Славянском институте Берлинского университета.

- ³ Глеб уехал в Москву в 1925 г. вслед за своим научным руководителем А. Г. Гурвичем. Он продолжал работу под его руководством на кафедре гистологии медицинского факультета МГУ — сначала препаратором, потом поступил в аспирантуру. В 1929 г. переехал в Ленинград, работал в Физико-техническом институте, затем в Физико-агрономическом институте и во Всесоюзном институте экспериментальной медицины, с которым в конце 1934 г. возвратился в Москву.
- ⁴ По воспоминаниям С. А. Франка, мать Розалия Моисеевна часто ездила лечиться в Карлсбад, когда они были ещё детьми.
- ⁵ Речь идёт о планах строительства гидроэлектростанции для нужд Севастополя на реке Чёрной. Идея не была реализована, и только в 1956 г. было построено Чернореченское водохранилище.
- ⁶ Речь идёт о проекте южнобережной железной дороги Севастополь — Ялта. Первые проекты разрабатывались ещё до революции. В 1924–1925 годах был разработан новый проект под руководством профессора Л. Н. Вернадского. Начало строительства планировалось в 1929 году, реализацию проекта увязывали со строительством Крымской ГЭС на реке Чёрной, её энергия должна была питать электрическую сеть дороги. В конечном итоге отсутствие средств на строительство электросети сорвало весь проект (см.: *Иванов А. В. Ласпи: от Айя до Сарыча. Историко-географические очерки. Севастополь, 2005. [Электронный ресурс].* Режим доступа: <http://www.krimoved-library.ru/books/laspi-ot-aya-do-saricha24.html>).
- ⁷ В 1926 г. Илья Франк уехал в Москву и поступил на физико-математический факультет МГУ. С 1927 г. работал под руководством С. И. Вавилова. После окончания МГУ в 1930 г. работал в лаборатории А. Н. Теренина в Государственном оптическом институте в Ленинграде.
- ⁸ Мама Елизаветы Михайловны Ольга Петровна, урожденная Красовская, происходила из духовной семьи — её отец Петр Макарович Красовский был священником.

7. М. А. Франк — С. А. Франку и Т. С. Франк.

3 января 1928 г.¹

Алупка 3.1.28

Дорогие Сеня и Таня! Спасибо Вам за поздравительную открытку. Если я не ошибаюсь, ваш Вася должен быть именинником 14. I, а потому поздравляю Вас всех и его самого². А вместе с тем с Новым Годом!

Как всегда, я приехал на каникулы на две недели в Алупку и разница с прошлыми каникулами лишь в том, что с нами нет Глеба, в судьбе которого произошла перемена — он недавно женил-

ся³. Женился он на москвичке, так же, как и он, оставленной при Московском Университете по родственной ему кафедре зоологии. 9го декабря они обвенчались и уехали вместе на съезд зоологов в Ленинград⁴, где оба читали доклады, и после съезда остались в Ленинграде до конца каникул. Жена его одного возраста с ним, дочь московского инженера, из интеллигентной семьи. Мы ее до сих пор знаем только по карточкам, все это произошло довольно быстро и почти неожиданно.

Что получится в дальнейшем — знать, конечно, и предсказывать невозможно, сейчас они счастливы и мы этим довольны. Надеюсь на возможность в январе попасть в Москву и увидеть жену своего сына. Вот до чего я дожил!

В Крыму у нас уныло. Полная пустота, народу меньше, чем во времена голода. Стоят частью потрескавшиеся, частью полуразрушенные дома, и все пусто⁵. Подземные толчки продолжают и самодельный сейсмограф, сооруженный Илюшей, отмечает по несколько толчков в день. Большинство их никто не чувствует и только ночью, когда не спишь, иногда ощущаешь колебание кровати. К этому так привыкли, что только сильные толчки, сопровождающиеся подземным гулом (такой был 10го декабря) немного волнуют и заставляют выходить в сад.

Мелкие толчки плохи тем, что продолжают расширять трещины домов. Надеемся, что все-таки землетрясение идет на убыль и к лету стихнет.

Здоровье мое в этом году плоховато, может быть из-за обилия работы и переутомления. Лиза тоже чувствует себя утомленной и часто сердце ее дает себя знать. Как мы в будущем устроим свою судьбу — все еще не думаем.

Илюша с увлечением работает в университете и успел уже выдвинуться. Профессор, у которого он работал в этом году, писал мне об нем и очень его хваливал⁶. Он еще не решил окончательно будет ли он специализироваться в области чистой математики или по теоретической физике.

Живет он в этом году в семье на полном пансионе и в этом отношении хорошо устроен. Глеб получил в приданое часть комнаты и таким образом в квартирном отношении будет тоже лучше устроен, чем до сих пор.

Материально живем удовлетворительно, понемногу старимся и жизнь быстро проходит. Кажется совсем недавно Глебик был малюткой, а сейчас уже женатый мужчина.

Напишите, как Вы живете, поподробнее и особенно об детях.
Всего хорошего, будьте здоровы, привет от всех нас Вам.
Ваш М.

-
- ¹ Рукопись, 4 страницы.
  - ² День святого Василия Великого. День рождения Василия Франка — 25 июля.
  - ³ Первая жена Глеба Михайловича — Милица Михайловна Курепина.
  - ⁴ III Всесоюзный съезд зоологов, анатомов и гистологов в Ленинграде, 14–20 декабря 1927 г.
  - ⁵ Речь идёт о последствиях Крымского землетрясения 12 сентября 1927 г. Лев Зак писал С. Л. Франку 14 дек. 1927 г.: «От Миши мы недавно получили письмо. Он пишет, что чувствует себя неважно, но вполне трудоспособен. Там у них в Крыму жизнь опять выбита из колеи землетрясениями, кот<орые> не прекращаются» (BA. S. L. Frank Papers.Box 8. Zak, Lev Vasil'evich & Nadezhda Aleksandrovna).
  - ⁶ Очевидно, имеется в виду Сергей Иванович Вавилов, под руководством которого И. М. Франк начал работать уже на втором курсе в 1927 г.

8. М. Л. Франк — С. Л. Франку. 17 сентября 1928 г.¹

Herrn Professor S. Frank
Rehbrücke bei Berlin
Feldstraße bei Fuhrmann
Allemagne
Berlin

17.IX.28. Париж.

Дорогой Сеня! Здесь я узнал, что захворала Таня, но после того от тебя известий не было. Напиши мне пожалуйста в Göttingen postlagernd² и, если для меня есть письма, пришли.

Везжаю послезавтра 19го. Все здесь шлют привет³.

---

¹ Открытка. Вид: Фасад Нотр-Дам де Пари. Штемпель: Paris. 17. IX.1928.

² Гёттинген, до востребования (нем.)

³ 18 августа 1928 г. Лев Зак писал Семёну Франку: «Нас с Соней чрезвычайно интересует вопрос, когда Миша будет в Берлине и когда в Италии. Что вы об этом знаете? Неужели у него не будет времени побывать в Париже? О визе и о деньгах Соня позаботится, лишь бы у него была возможность в смысле времени» (Зак Л. В. — Франку С. Л. 18 августа 1928 // BA. S. L. Frank Papers.Box 8. Zak, Lev Vasil'evich & Nadezhda Aleksandrovna). В августе 1928 г. М. Л. Франк был в составе советской делегации на 8-м Международном конгрессе математиков в Болонье. Очевидно, после конгресса он поехал в Париж к сестре Софье и брату Льву, а потом собирался в Гёттинген по рабочим вопросам (по возвращении, 29 октября 1928 г. он читал доклад в Математическом обществе в Симферополе «О поездке в Болонью на Международный математический конгресс и Гёттинген» — см.: *Франк И. М.* Михаил Людвигович Франк. С. 293). Очевидно, в Бер-

лин он заезжал сразу, ещё до Болоньи. Точнее, не в Берлин, а в местечко Ребруке под Потсдамом, где Франки проводили лето — об этом свидетельствует младший сын Семёна Людвиговича Василий: «В Ребруке я в последний раз видел папиного брата, дядю Мишу. <...> Я был поражен внешним сходством братьев, разве что отец был гораздо выше. Добрый взгляд и богатый внутренний мир делали этих людей похожими друг на друга. Несомненно, общей чертой всех троих братьев (включая дядю Лёву, младшего сводного брата) была доброта» (*Франк Вас.* Русский мальчик в Берлине // Волга. 1998. № 10. С. 139). В этот год Франки задержались на летнем отдыхе до конца сентября по причине того, что не могли найти новую квартиру в Берлине, — может быть, Михаил заезжал к ним и перед отъездом. Это был последний выезд М. А. Франка за границу и его последние встречи со своими братьями и сестрой.

9. М. А. Франк — Т. С. Франк. <ок. 25 янв. 1929 г.>¹

Германия
Берлин
An Frau Professor T. Frank
Berlin W
Passauerstr. 22¹ bei Meitner

Милая Таня!

Поздравляю тебя с днем ангела, а также всех твоих с именинницей. Я живу не плохо, не хорошо, очень устаю и порядочно тоскливо быть одному. Илюша уже в Москве, Глеб с женой гостит у Лизы. Будьте здоровы, напиши как-нибудь открыточку, как живете.

Привет всем вам. Ваш. М.

---

¹ Открытка. Изображение: В. М. Васнецов. Иван царевич на сером волке. Год изготовления 1928. Открытка не имеет даты, штемпель неразборчив. Датируется по поздравлению (Татьянин день — 25 января) и адресу (на Passauerstr. С. А. Франк с семьёй жил с конца сентября 1928 до конца марта 1929 г.).

10. М. А. Франк — Т. С. Франк. 20 янв. 1933 г.¹

Германия. Берлин.
Frau Professor T. Frank
Berlin Halensee
Necktorstraße 20

20.I.33 г.

Милая Таня, шлю всем вам привет к Новому Году, Татьянинному дню и Сениному рождению. Мы все живы, здоровы, порядочно

устаем и самоизнашиваемся. Все работаем и притом много. Я несколько сократил свою работу педагогического характера и перешел на литературную — пишу учебники². Из семейных наших новостей могу сообщить предстоящее нам повышение в чинах — в мае месяце нам предстоит стать дедушкой и бабушкой³, так что уже формально стать стариками. Мы этому очень рады, хотя для Глеба и его жены это большое и трудное дело воспитать младенца. Для этого нужно много сил, да и, конечно, заработка. Авось как-нибудь справятся. Сейчас у нас стоят большие морозы, самое трудное время года, но к счастью скоро весна. Будьте здоровы, всего лучшего, привет от нас всех.

---

¹ Почтовая карточка. Штемпель: Ленинград. 23. I.33.

² В эти годы действительно выходят основные учебники М. А. Франка: Элементарные приближенные вычисления. М.; Л., 1932 (2-е изд. — 1933); Графические методы интегрирования обыкновенных дифференциальных уравнений. М.; Л., 1933; Номографический справочник по математике, механике, физике и сопротивлению материалов. М.; Л., 1933; Элементы высшей математики. М.; Л., 1934; Элементы теории вероятностей. М.; Л., 1935.

³ У Глеба Михайловича и Милицы Михайловны родился сын — Михаил Глебович Курепин (1933–2011).

11. М. А. Франк — А. В. Заку. 12 января 1936 г.¹

12.I.1936

Дорогой Лева! Я бесконечно долго не писал, хотя и не забывал вас всех. Твою открытку получил и очень был рад узнать, что все вы здоровы. Напишу об нас. У нас за последний год много было всяких невзгод. Скончался скоропостижно Лизин брат, что очень сильно отразилось на ней и хотя этому уже минуло 10 месяцев, она еще не оправилась от пережитого².

Тяжело был болен Илюша. Он заболел летом по дороге на юг, застрял в Харькове и пролежал там в больнице больше трех месяцев с тяжелым воспалением легкого³. С тех пор как он выписался из больницы и приехал к нам прошло тоже больше трех месяцев, он все еще не оправился и не начал работать. Но все же понемногу поправляется, так что вероятно скоро нас покинет. Он живет теперь, также как и Глеб в Москве, так что нам здесь теперь живется одиноко. С Глебом у нас тоже неблагополучие, но другого сорта. Он разошелся со своей женой⁴ и это он и все мы переживали и переживаем тяжело. Особенно грустно это потому что остался ребе-

нок, очень славный мальчуган, которого мы теперь фактически потеряли, так как он остался у матери⁵.

Глеб успел уже вторично жениться. Его вторая жена очень славная и объективно может быть и лучше его первой жены, но, конечно, благодаря тому что она вторая, у нас нет к ней того отношения, как это следовало бы⁶. Это огорчает и нас и Глеба.

В научном отношении и Глеб и Илья идут вперед. Оба получили уже ученые степени докторов⁷.

Что касается нас, стариков, то продолжаем стариться и очень устаем. Пока еще оба работоспособны. Лиза работает в туберкулезном диспансере, я по-прежнему читаю лекции⁸. Материально живем вполне удовлетворительно, но определенно чувствуем падение работоспособности и всерьез подумываем о пенсии. Старые мои болезни — туберкулез как то сами ликвидировались к старости и сейчас больше всего чувствую усталое сердце, хотя объективно у меня находят только склероз, не слишком превышающий возрастную норму, а все остальные явления относят за счет утомления сердечных мышц и невроза. Так что пока что еще поживем.

Мечтаем мы о переезде в Москву, чтобы быть ближе к детям, но пока это только мечты, так как осуществить переезд не так просто, надо получить квартиру, надо устроиться на новой работе и все это было бы не так трудно, если бы не старые сердца.

Вот вам сравнительно сухой отчет о нашей жизни. Если было побольше сил и здоровья, то жилось бы совсем не плохо, а даже хорошо.

Получил я как то письмо от Сени. Ему, бедному, живется явно плохо⁹. Я мог бы ему послать продовольственную посылку — от нас в Германию посылки принимают, но боюсь, что получение посылки из Советского Союза может скверно отразиться на нем и вместо помощи, окажет ему плохую услугу. Как ты на этот счет думаешь? Напиши при случае. Шлю всем вам привет и поцелуй от нас всех, как твоей семье, так и Соне и Сониной. Будьте здоровы, всего хорошего.

Твой Мих.

---

¹ Рукопись, 3 страницы.

² Павел Михайлович Грацианов скончался от сердечного приступа в марте 1935 г. в Пятигорске (см.: *Франк И. М.* Михаил Людвигович Франк С. 268, прим.)

³ Вероятно, это была поездка не «на юг», а «с юга» — И. М. Франк возвращался в Москву из Эльбрусской комплексной научной экспедиции 1935-го года. В своей автобиографии он указывал: «В Эльбрусских экспедициях 1934

и 1935 гг. занимался исследованием космических лучей методом камеры Вильсона» (Илья Михайлович Франк. Очерки и воспоминания. С. 9). Позднее он вспоминал о полученном в сентябре 1935 г. письме С. И. Вавилова, «когда я по болезни на довольно длительный срок выбыл из института» (см.: Франк А. И. Илья Михайлович Франк. С. 899). Одним из организаторов, заместителем начальника (1934–1935) и начальником (1936–1939) Эльбрусских экспедиций был Г. М. Франк; И. М. Франк был учёным секретарём экспедиции.

⁴ См. примеч. 3 к письму № 7.

⁵ См. примеч. 3 к письму № 10.

⁶ Вторая жена Глеба Михайловича — Лидия Борисовна Прохорова (1911–2013).

⁷ Глеб Михайлович Франк стал доктором биологических наук в 1935 г. Илья Михайлович Франк также в 1935 г. защитил диссертацию доктора физико-математических наук на тему «Элементарные процессы при оптической диссоциации».

⁸ М. Л. Франк работал в Ленинграде в Индустриальном институте.

⁹ Ещё весной 1933 г., с приходом к власти нацистов, С. Л. Франк потерял возможность постоянной работы, что значительно ухудшило и без того не блестящее материальное положение семьи. 15 сент. 1934 г. он писал Н. А. Бердяеву: «Я и моя семья, к удивлению, все еще живы, хотя все мы более или менее безработные. Пробаваемся кое-как моим литературным заработком и массажем Тат. Серг.» (BA. Nikolai Aleksandrovich Berdiaev Letters. Series I: Correspondence. Box 1. Frank, Semen Liudvigovich). Конец 1935 года в этом отношении был особенно тяжёлым — положение семьи С. Л. Франков даже вынудило их подругу М. М. Гуревич обратиться за помощью — втайне от С. Л. Франка — к его другу Л. Бинсвангеру. Она писала 27 декабря 1935 г., что Франки «в буквальном смысле слова осуждены на голодную смерть» (Frau Dr. M. Gurwitsch an L. Binswanger 08.01.1946 // Universitäts archiv Tübingen. 443/7, 34).

12. М. Л. Франк — Л. В. Заку. 8 марта 1937 г.¹

8.III.1937

Дорогой Левушка!

Сегодня получил твоё письмо и сознаюсь плакал над ним. Нахлынули воспоминания старых времен детства и юности. Не думай, что я тебя забыл. Мы часто вспоминаем всех вас и ужасно грустим, что нельзя увидаться и провести время вместе сидя на диване. Я ясно помню самые первые годы твоей жизни и пожалуй, чем больше времени прошло, тем яснее помнится. Последние годы скорее забываются. Очевидно таков уже удел старости.

Мы живем все не плохо во всех отношениях, если не считать того, что старимся, а это тяжело. Очевидно все еще не пришел тот возраст и то состояние, когда старость является нормальной. Все еще хочется не быть стариком и очень часто приходится убеждаться в том, что многое уже непосильно и надо как то пе-

реходить на режим старческой жизни. Имея за спиной уже почти 60 лет строить планы на отдаленное будущее для себя уже надо отвыкать.

Мы живем все там же, только номер нашей квартиры не 14^а, а 10². Мальчики живут в Москве, мы довольно часто видимся — раз в месяц или в два. Глеб вторично женился (я вероятно писал об этом) и у него прелестная маленькая 10-месячная девочка Ася³. Илья до сих пор холостяк и постепенно вырабатываются у него старо-холостяцкие привычки, хотя он еще и молод⁴. Оба много рботают и успешно продвигаются в научном отношении.

Не думай дурно обо мне за то что так редко пишу. Я и помню тебя и люблю и очень хотел бы, чтобы тебе жилось хорошо.

Привет и поцелуй Наде⁵ и Соне от меня и Лизы.

Твой Мих.

---

¹ Рукопись, 1 страница.

² М. Л. Франк с женой жили в профессорском доме Индустриального института.

³ Анна Глебовна Франк, род. 2 апр. 1936. В 1959–1983 работала в ФИАН, затем в Институте общей физики. Доктор физ.-мат. наук, профессор.

⁴ Вскоре, впрочем, — в том же 1937 г. — Илья Михайлович женился на Элле Абрамовне Бейлихис.

⁵ Надежда Александровна Браудо (1894–1976) — жена Льва Васильевича Зака.

13. М. Л. Франк — Л. В. Заку. 22 сент. 1937 г.¹

Франция. Париж

A Mr Leon Zack

38 rue Jeanne Paris 15^e2

М. Франк

Ленинград 21

Индустриальный Институт кв. 10.

22.IX.37

Дорогой Лева! Твое письмо, очень меня огорчившее, получил. Надеюсь ты напишешь мне о Сонином здоровье в ближайшее время. Хочется надеяться, что она поправится, ведь ей еще 62 года, а многие переносят воспаление легкого в более старшем возрасте³. Если сможешь ей передать, скажи, что я ее часто вспоминаю и, хотя нас судьба и разъединила, я ее по прежнему люблю и не забываю, как много она заботилась в свое время обо мне и как многим я ей был обязан. Надеюсь, что она поправится.

Мы живем потихоньку, все здоровы. Часть лета мы с Лизой отдыхали под Ленинградом, часть под Москвой, где нянчили внучаток⁴. Шлем вам привет и пожелания здоровья. Твой М.

¹ Почтовая карточка. Штемпель: Ленинград, дата не читается.

² Очевидно, Rue Jeanne Hachette.

³ На самом деле Софья умерла ещё в июне 1937 г. Объяснение этого хронологического несоответствия — в публикуемом далее письме Л. Зака.

⁴ Речь идёт о дочерях Глеба — Анне (см. прим. 3 к письму № 12) и Анастасии (1937–1940).

Приложение

Л. В. Зак — С. Л. Франку и Т. С. Франк 6 янв. 1946¹

Vanves², 6-го января

Дорогие мои!

Получивши вашу телеграмму, жду теперь письма, хочу надеяться, что Глеб в своей телеграмме дал свой адрес и что можно будет ему написать, чтобы попросить его написать нам письмо. Так хотелось бы знать, как жил Миша последние годы своей жизни и в какой обстановке, при каких обстоятельствах умер. Осень 42 года была еще очень мрачным периодом в России, наступление немцев еще продолжалось. Можно думать, что Миша умер в Казани³, так как почта в свое время мне сообщила, что он переехал туда и так как в Сов<етском> консульстве мне сказали, что Политех<нический> Институт был переведен именно туда. Но это только предположение.

А я-то надеялся и мечтал еще увидеть Мишу! Мне нужно было еще повидать его, потому что мне казалось, что после его приезда в Европу в 28-м году благодаря невозможности регулярно переписываться (а может быть, из-за моей лени часто писать, потому что было еще время, когда переписываться не было опасно) душевная связь между мной и Мишей прервалась и мне чудилось, что Миша мне не пишет, потому что как-то «махнул на меня рукой» (по моей вине). Последнее письмо от Миши было то, которое он написал вам и которое вы мне прислали из Берлина. В нем он говорил о разводе Глеба и о его вторичной женитьбе⁴. Потом, уже в 37^м году, после смерти Сони, я написал ему открытку⁵, сообщил о ее болезни, на которую получил ответ (тоже открытку), где

Миша выражал большое свое беспокойство и надежду, что Соня еще поправиться⁶. Только тогда я написал ему подробное письмо со всей правдой о Сониной смерти — было это 3–4 месяца после дня Сониной кончины⁷. На это письмо я ответа уже не получил и, вообще, больше от Миши ничего не получал. Бог знает, может быть, Миша рассердился на меня за то, что я так долго не сообщал ему о Сониной смерти. Одним словом, все эти годы я мечтал о том, что я увижу Мишу, обнимусь с ним, скажу, как я его люблю. Потому что с детства я его очень-очень горячо любил, и эта моя привязанность к нему никогда не уменьшалась. Бог судил иначе, мне не пришлось еще раз обнять его, и мне от этого еще больней и грустней. Утешаю себя тем, что если сейчас, по ту сторону смерти, он еще не знает о моей к нему привязанности, то когда и я умру, он узнает о ней и тогда уже не понадобится для этого никаких объятий и слов.

Утешаю себя еще и тем (утешение нашего времени!), что в отличие от стольких погибших за это время, он умер естественной смертью, окруженный, вероятно, любовью и заботами семьи. Не думал я, что Лиза его переживет, она писала, что здоровье ее очень неважно, и это — лет 10 тому назад.

На какой адрес послал Витюша телеграмму Глебу? Говорят, что почтовые сношения между Англией и Россией действуют лучше, чем между Францией и Россией, так что было бы хорошо, чтобы кто-нибудь из вас написал Глебу письмо. Если будете ему писать, запросите его о судьбе Надиного брата Саи (Исайи Браудо), кот<орый> был профессором органа в Ленинградской консерватории⁸.

Я очень побаиваюсь, что слишком понадеялся на то, что получить визы (франц. и англ.) будет не очень трудно, боюсь также, что дорога будет теперь очень дорого стоить, так что попаду ли я к вам, это еще под большим сомнением. Буду во всяком случае пытаться реализовать это мое намерение. Попробую послать тебе, Сенечка, хотя бы одну коробку лекарства по почте, надеюсь, что с вас не возьмут большой пошлины.

Будьте здоровы! Пишите! Все мы крепко и нежно целуем и обнимаем вас. Пишу вам в вечер сочельника, завтра русское Рождество. Душою с вами⁹. Ваш Лева.

Приписка рукой Н. А. Браудо:

Родные мои, крепко вас всех обнимаю, всегда с вами. Спасибо Алеше за письмо, напишу ему на днях. Ваша Надя.

Приписка рукой Л. В. Зака:

Мое письмо еще не было отправлено, когда пришло твое, Сенечка, письмо. Я напишу письмо Глебу, но пришлю его вам, так как от вас, кажется, письма в Россию лучше доходят.

---

¹ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York. S. L. Frank Papers. Box 8. Zak, Lev Vasil'evich & Nadezhda Aleksandrovna. Рукопись, 2 страницы. На письме пометка рукой Т. С. Франк: «1946. По поводу смерти брата С. Л. Михаила Людвиговича Франка».

² В эти годы Заки жили в предместье Парижа Ванв.

³ Очевидно, Глеб в своей телеграмме указал только дату смерти Михаила Людвиговича, но не указал город, где он умер. В письме к В. Б. Ельяшевичу от 21 янв. 1946 г. С. Л. Франк тоже писал о Казани предположительно.

⁴ Очевидно, речь идёт о письме от 12 января 1936 г. (№ 11), только адресовано оно Льву Заку, и скорее уже он пересылал это письмо в Берлин.

⁵ Было, по крайней мере, ещё одно письмо вначале 1937 г., на которое М. Л. Франк ответил 8 марта 1937 г. (письмо № 12). Софья Франк умерла 12 июня 1937 г., о чем Лев Зак написал С. Л. Франку подробное письмо 15 июня 1937 г. (см.: ВА. S. L. Frank Papers. Box 8. Zak, Lev Vasil'evich & Nadezhda Aleksandrovna).

⁶ См. письмо № 13.

⁷ По свидетельству А. И. Франка, он видел в домашних бумагах письмо или открытку с извещением о смерти Софьи, а также с описанием её похорон.

⁸ См. примеч. 2 к письму № 3.

⁹ Лев Зак в 1941 г. принял католичество.

*Подготовка текста, публикация
и комментарии — Г. Е. Аляев*